

The background is a painting of a forest scene. The trees are mostly birches with white bark and sparse, yellowish-brown leaves, suggesting an autumn setting. The ground is covered in fallen leaves and some green grass. The overall style is impressionistic with visible brushstrokes.

Элеонора Кременская

ПЬЯНАЯ РОССИЯ

ТОМ
ТРЕТИЙ

Элеонора Александровна Кременская

Пьяная Россия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11827469

ISBN 9785447423025

Аннотация

Эйфория, отсутствие ответственности, грезы наяву – вот любимое дело всех пьяниц. Но мало того, алкогольное опьянение дает эффект мистификации, сказочности, фантастичности окружающего мира. Хорошо ли это, правильно ли, рассматривается в мистических повестях и рассказах третьего тома серии книг «Пьяная Россия», написанных, как и в предыдущих двух томах, искрометно, с юмором и многочисленным обилием невероятных историй, призванных сбить точку сборки у читателей.

Содержание

Междумирье	6
1	6
2	10
3	15
4	19
5	22
6	26
7	30
8	34
9	41
10	47
11	51
12	56
13 (Последняя. Совсем коротенькая)	59
Елена по прозвищу «Птица»	60
Нападение	60
Родители	63
Славные старушки	66
Недоумение	70
Защита	73
Бегство	76
Счастливая весть	80
Завершение	83

Хроники ужасов монастырской жизни	86
Шабашкин	86
Знакомство	92
Послушница	98
Отец Павел	103
Колдовство	108
Разговор	113
Наваждение	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пьяная Россия
том третий
Элеонора Александровна
Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Междумирье

1

На стене, прямо перед взором поверженного жестокой болезнью Анатолия Сергеевича Колесникова расцветало алым светом огромное солнце. Он мог бы поклясться всеми святыми, что это невозможно, так как окно выходило в больничный сад, где за долгие годы существования клиники успели вымахать дубы и тополя, березы и осины едва ли не с пятиэтажный дом, если не выше. Палата же находилась на втором этаже, стало быть, следуя логике, никак не могла быть озарена солнечными лучами восходящего светила.

Тем не менее, на зеленой стене украшенной всего-навсего одной картинкой, изображающей неповторимую природу красок знаменитого Шишкина, расцвело огромное солнце.

Под сонный храп соседей, Анатолий Сергеевич применив все силы, приподнялся и оглянулся на окно, которое было позади, метрах в пяти от его изголовья. За окном, как и следовало ожидать, была темень непроглядная. Анатолий Сергеевич протянул руку за сотовым телефоном, что лежал рядом, на тумбочке, чтобы убедиться, взглянув на циферблат, в своих подозрениях о ночном времени суток. Но тут услышал испуганное бормотание с соседней койки, где ле-

жал особо тяжелый, старик по фамилии Чудинов. Чудинов бормотал молитвы.

– Вы тоже это видите? – шепотом, чтобы не разбудить соседей по палате, спросил Анатолий Сергеевич.

Вместо ответа Чудинов захрипел и, издав резкое «ах», содрогнулся и вытянулся.

Анатолий Сергеевич поднял тревогу, принялся стучать алюминиевой кружкой по ножке кровати, досадуя, что в российских больницах, как не было кнопок вызова, так и не будет, вероятнее всего никогда.

Солнце на стене, между тем, гасло, и когда дежурная медсестра таки соизволила придти на стук, со стены мигнул и погаснул последний луч света.

Примерно через час, на зов медсестры в палату приперлись пьяненькие студенты-медики, подрабатывавшие в больнице и заменявшие, как видно, врачей. Распространяя тяжкий запах перегара, от которого Анатолия Сергеевича немедленно затошнило, они констатировали смерть, переложили Чудинова на каталку, вывезли из палаты и оставили у лифта. Сами же, пересмешничая с молоденькой сестричкой, направились обратно, в ординаторскую, как видно, продолжать пьянствовать.

Анатолий Сергеевич, сдерживая дыхание, дотянулся до освежителя воздуха, что вынужден был применять в своей палате постоянно, он делил комнату с умирающими, часто не контролирующими себя людьми и соответственно тяже-

лый дух перемежающийся с активно применяемой в условиях больницы хлоркой постоянным облаком висел в воздухе, растекался по палатам, пропитывал постельное белье и пижамы больных.

Освежитель подействовал и успокоенный запахом хвойного леса, измученный необъяснимым событием и смертью соседа, Анатолий Сергеевич забылся тяжелым сном, в котором к нему неожиданно-негаданно явился Чудинов. Светлый и радостный, в белом исподнем белье, он летал под потолком палаты, мурлыкая нечто мелодичное, а после, кивнув Колесникову на прощание, вылетел в открытую форточку, навстречу огромному солнцу, что вставало над темным горизонтом Земли.

Анатолий Сергеевич очнулся весь в слезах, уже разносили завтрак и нянечка, привычно вытерев его лицо и шею влажными салфетками, уселась рядышком, на табуретку, кормить его жидкой овсяной кашей без чешуек.

– Чудинов помер! – сообщил ей Анатолий Сергеевич и махнул рукой в сторону пустой и уже перестеленной свежим бельем, койки соседа.

– Не бормочи, а ешь! – сказала ему нянечка, неодобрительно покачивая головой и вытирая подбородок.

– Пьяные студенты его к лифту отвезли! – произнес Анатолий Сергеевич.

– Да что же это такое? – рассердилась нянечка, снова вытирая губы, подбородок и грудь своего пациента и велела. –

Не говори ничего, все равно я тебя не понимаю!

Колесников смолк. После обычных процедур по смене памперсов, пришли врачи с трезвыми студентами.

– Как вы себя чувствуете? – наклонился к нему молодой доктор с живым озорным блеском в глазах.

– На стене, ночью солнце расцвело, а после помер Чудинов! – сказал ему Колесников.

– Чудно, батенька, чудно! – обрадовался доктор и обернулся к сопровождающим его белохалаточникам. – Записывайте, пациент, Колесников Анатолий Сергеевич, от роду восьмидесяти двух лет, пришел в сознание и даже пытается говорить, правда, речь пока нечленораздельная, но будем надеяться на лучшее, ведь, правда?

Подмигнул он Анатолию Сергеевичу и отправился к другим старикам.

2

– Ну вот, папочка, я тебе йогурты принесла, детское фруктовое пюре, минералку, – говорила Вера Колесникова, дочь Анатолия Сергеевича.

Он молчал, пристально рассматривая ее некрасивое широкое лицо с курносом носом и яркими веснушками на щеках.

Она, так и не вышла замуж, а спелась с одним алкашом, жалея его, терпела побои и унижения, забеременела, родила. Сын, истерик, тщедушный, болезненный продолжил дело папаши – «пить кровь» из матери. Тринадцати лет бежал из дома и обнаруженный в банде малолетних преступников был препровожден милицией в колонию для несовершеннолетних.

Вера Колесникова нашла тогда силы оставить алкаша, папашу своего сына и взялась робить, чтобы поставлять «передачи» в колонию.

Сын вышел, ограбил чью-то квартиру, попался и снова сел, теперь уже в зону. И так, и пошло, без конца и без края.

Анатолий Сергеевич разменял квартиру на две однокомнатные: себе и дочери. Он не мог и не хотел видеть вечно бегающие глаза внука, не мог слушать вральные истории, не желал участвовать в деле спасения пропавшей души. Есть такие люди, от которых хочется бежать и, несмотря на род-

ство, сразу тянет вымыть руки от рукопожатия или объятия близкого человека. Они, как змеи, как противные жабы, как прикосновение к шелку, от которого передергивает в омерзении.

Анатолий Сергеевич перестал открывать внуку дверь, тем более внук сделался неотличимо похожим на своего отца. Особенно стало пугать это сходство после смерти непутевого алкоголика, но Вера ничего не замечала, таких тонкостей душевных переживаний она не знала и говорила, перекладывая из сумки в тумбочку очередную пачку памперсов:

– А, Сереженька (внука Колесникова звали Сергеем) тебе привет передавал. Ему осталось два года. Он в зоне с женщиной познакомился, по переписке, выйдет, может, жениться и у тебя правнуки появятся!

Анатолий Сергеевич дернулся, с отвращением проговорил:

– Правнуки? Какое! Да его кастрировать надо, твоего Сереженьку! В сумасшедший дом надо посадить, он же больной на всю голову, клептоман и алкоголик!

– Я знала, что ты обрадуешься, – улыбнулась Вера, заботливо вытирая рот отцу, и всплакнула, – может, я внуков дождусь!

– Дура! – выкрикнул Анатолий Сергеевич.

– Я тоже люблю маленьких! – растроганно поцеловала она в щеку отца и шепнула ему на ухо. – Если родиться мальчик, назовем Толей, если девочка, как маму, Аллой.

– Идиотка! – рывкнул Анатолий Сергеевич.

– Я знала, что тебе понравиться! – довольная рассмеялась Вера и встала с табуретки. – Ну, теперь, спи, отдыхай, а мне пора на работу!

Колесников проводил ее злым взглядом.

В палате, между тем, то и дело появлялись люди. Пришла маленькая, аккуратная старушка. Открыла створки окна, смочила тряпку в ведре с хлорированной водой, вытерла подоконник, вытерла спинки и ножки кроватей, вымыла тумбочки, наклонилась к Колесникову:

– Не надо ли чего?

– Воды! – попросил он, указывая слабой рукой на бутылку минералки.

Старушка налила в алюминиевую кружку, поднесла ко рту, одновременно, бережно поддерживая голову Анатолия Сергеевича.

– Глаша! – позвал с койки у стены, тучный старик. – Мне бы тоже попить!

– Сейчас, сейчас, мой хороший! – старушка, напоив Колесникова, заторопилась к старику, своему мужу.

Мелькали люди, санитарки переменяли памперсы, обтирали тело Анатолия Сергеевича сырой марлей, переворачивали, смазывая пролежни специальными мазями.

Нянечка, строго поджимая губы, чтобы не разговаривал, кормила его куриным супом и пшенной кашей, поила компотом из сухофруктов.

В полдник нянечка непреклонно скормила ему две баночки фруктового пюре, что притащила дочь и парочку йогуртов. Анатолий Сергеевич ел, только потому, что не хотел капельницы, через которую его уже кормили, когда болезнь по имени старость, взяла верх над телом.

Перед ужином он заснул, и нянечке пришлось его будить, чтобы кормить рисом, сваренным на молоке.

После ужина, без звука перенеся шестой за день, укол и проглотив горький порошок лекарства, призванного поддерживать в нем жизнь, Анатолий Сергеевич вздохнул, наконец-то, наступило затишье!

– Затишье перед бурей! – пробормотал он и увидел улыбающееся личико маленькой девочки, заглядывающей в палату.

– Ты кто? – спросил он у девочки.

– Никто! – ответила она тотчас.

– Ты меня понимаешь? – удивился Анатолий Сергеевич.

Девочка, без слов, захихикала. Совершая ужимки, демонстрирующие ее стеснительность, она все же прошла в палату, взобралась с ногами на табуретку и присев на корточки, принялась с любопытством разглядывать Анатолия Сергеевича.

Он поискал, чего бы такого ей дать, чем угостить, но ничего не осталось, кроме минералки.

– К кому же ты пришла? К бабушке или дедушке? – думая, что она в числе поздних посетителей, спросил Анатолий Сергеевич.

– Ты что? – удивилась девочка. – Не знаешь, что ли про детское отделение больницы?

– Я – лежачий, откуда мне знать? – усмехнулся Колесников и более внимательно оглядел свою гостью.

Действительно, на девочке была больничная пижама.

– Как тебя зовут? – неожиданно спросила девочка, сняв вопрос с языка у Колесникова.

– Анатолий Сергеевич, – назвался он, – а тебя?

– Не помню, – призналась девочка.

– Ты потеряла память? – догадался Анатолий Сергеевич.

– Не-а, – покачала головой девочка.

– Ну как же, раз не помнишь? – горячился Колесников.

– Опять бормочешь, старый черт? – заглянула в палату нянечка. – Ишь разболтался, тихо сам с собою я веду беседу?

– И ничего не сам с собою! – возразил ей Колесников, указывая на девочку.

Но та медленно растаяла в воздухе, оставив Анатолия Сергеевича с разинутым ртом и мыслями о внезапно наступившем безумии.

3

Наступила ночь, оглашаемая вздохами и стонами страдающих больных, как в насмешку тут же, в ординаторской, звенели стаканы, сопровождаемые смешками студентов-медиков и очередной медсестры.

Колесников с отвращением прислушивался к звукам пьющих и вспоминал себя молодым, когда изредка гурманил в компании себе подобных, блестящих ученых, пил коньяк, закусывая шоколадом.

Отец его жены, Аллы трудился крупным начальником строительного треста и молодые, не больно-то нуждались, по общагам не скитались, а жили в двухкомнатной квартире, которую отец, пользуясь своим высоким положением, выбил для перспективных ученых вне очереди.

Тем более, Алла сразу же забеременела и родила свою единственную дочь, Веру, такую же некрасивую, как она сама. Но притом, Алла была умницей, хоть и в очках, а вот Вера, Колесников вздохнул, имела психическое отклонение, некую недоразвитость и пришлось отдать ее в школу для тупых детей. Отучившись положенные десять лет, Вера, как ни странно отлично вписалась в разваливающееся хозяйство некогда великих Советов. В то время как родители ее, никому не нужные ученые погибали от безденежья, она, словно рыба в воде, сновала между базарными торговками, предла-

гая им пироги и чай. Пироги Вера научилась печь очень ловко, и Алла вынуждена была ей помогать. После смерти Аллы, с заключением медиков о внезапной остановке сердца, Анатолию Сергеевичу, наконец, предложили место в научном институте и зарплату. Вера же ушла к алкоголику...

Колесников потянулся за сотовым, не спалось, на экране телефона крупно высветились цифры, показывающие час ночи.

Анатолий Сергеевич старался не думать о явлении огромного солнца на зеленой стене палаты, о смерти Чудинова и о девочке, растаявшей в воздухе, он был ученым и привык рассуждать логически. Ему не хотелось верить в галлюцинации, не хотелось думать о сумасшествии, но нет-нет, мысленно, он возвращался к произошедшим с ним чудесам, стараясь самому себе объяснить с точки зрения здравомыслящего человека, что же он видел? Запутавшись в ответах, он, в конце концов, под устал и, взглянув на часы сотового, отметил два часа ночи.

Смех и звон стаканов в ординаторской смолкли, а в дверях палаты тихо встала темная фигура.

Анатолий Сергеевич взгляделся, ничего не понимая. Всегда освещенный коридор должен был дать достаточно света, чтобы из темной палаты стало видно, кто вошел. Тем не менее, абсолютная чернильная темнота окружившая, будто облаком, фигуру вошедшего, не давала возможности понять, кто же это.

– Что за шутки? – пробормотал Анатолий Сергеевич и по-светил телефоном. – Кто там?

Не отвечая, фигура направилась к стене, где лежал тучный старик. Тотчас, послышалась возня, слабый вскрик, в котором, с ужасом, Колесников узнал голос старика, мужа аккуратной старушки.

– Оставь его, ты! – шумел Колесников и, схватив кружку, принялся бить по ножке кровати.

Из ординаторской, как ни странно, услышали и, выско-чив, поспешили на помощь. Зажегся верхний свет и Колес-ников успел увидеть, как фигура, облаченная в темный бала-хон с капюшоном, закрывающим не только голову, но и все лицо, метнулась к стене и пропала там вместе с тучным ста-риком, которого с трудом, но все же, фигура цепко держала в руках.

Медсестра склонилась над кроватью тучного старика:

– Готов! – сообщила она двум медикам-студентам, вбе-жавшим следом за ней.

– Да что это такое? – возмутились студенты, с трудом пе-рекладывая тело тучного старика на каталку. – Вчера одного уже увозили!

И они указали медсестре на пустую койку Чудинова.

– Старость – не радость! – съехидничала медсестра и при-казала. – Давайте, к лифту, утром анатомы его заберут!

После того, как погас свет, Колесников побрызгал осве-жителем воздуха и напуганный затих, весь сжавшись от пе-

ренесенного страха.

Аккуратная старушка плакала над ложкой и чашкой своего мужа, тучного старика.

Колесников попытался было рассказать о фигуре, но его прервала нянечка:

– Не видишь, горе у нее и ты свои пузыри оставь пускать!

Вскоре, санитарки унесли матрац и постельное белье, оставив кровать с голой панцирной сеткой сиротливо стоять у стены. Какое-то время было тихо, и только последний сосед Колесникова, что лежал почти у самого окна вздыхал сквозь сон, он находился в забытии и по всему видать, врачи поставили на нем жирный крест, изредка только проверяя его пульс. Весь опутанный проводами капельниц, сосед был недвижим и Анатолий Сергеевич со страхом подумал, кто же пожалует за ним, кого еще суждено увидеть? Но увидел свою дочь. Зареванную и от того более некрасивую. Он удивился, неужели его глупая Вера плакала о смерти тучного старика? Но нет, захлебываясь, беспрестанно сморкаясь, Вера рассказала о Сереженьке, убившем остро заточенным гвоздем кого-то в зоне. Кто-то нехороший, а Вера всегда стояла на стороне сына и даже мысли не допускала при всей абсурдности ситуации, что ее сын – преступник, так вот, кто-то нехороший вынудил Сереженьку защищаться! Какой кошмар, рыдала она, теперь ему увеличат срок, а сроки сейчас

дают громадные и может, Сереженька не выйдет, потому как, высморкалась она в мокрый от слез, носовой платок, он написал письмо, что заразился туберкулезом!

– Есть бог на свете! – с чувством благодарности, поглядев в потолок, произнес Анатолий Сергеевич.

– Как хорошо, что ты меня понимаешь! – воскликнула Вера, выгружая из сумки йогурты и баночки с фруктовым пюре, которые с особой неприязнью встретил Колесников, но вспомнив про капельницы, смиренно вздохнул.

Санитарки принесли матрац и чистое постельное белье, перестелили кровать тучного старика, поглядели равнодушно на плачущую Колесникову и ушли, оставив двери палаты, как всегда, днем, раскрытыми.

Заглянула девочка, та самая. Покосившись на Веру, подошла к Анатолию Сергеевичу с другой стороны, прислонилась теплым бочком к его плечу:

– А я узнала, как меня зовут, – сказала она Анатолию Сергеевичу.

– И как же?

– Маня! – торжествуя, сияя глазами, ответила она.

– Стало быть, Мария! – уточнил Колесников.

Девочка задумалась и покачала головой:

– Не знаю, только когда меня из морга забирали, мужчина и женщина, рухнули на колени и заблажили: «Маня, Манечка!»

Кожа рук Анатолия Сергеевича покрылась мурашками.

А Маня к чему-то прислушалась, и удивленно поглядев на Колесникова, сказала:

– Меня кто-то зовет?

– Кто? – пересохшими губами, спросил Анатолий Сергеевич.

Маня прислушалась:

– Дядя зовет. Ласково. Говорит, где же ты потерялась?

– Что за дядя? – потребовал ответа Колесников, просто умирая от страха.

– Дедушка! – протянула руки к дверям, Маня.

В палату вплыл серебристый призрак, светящийся, в белых одеждах, но тем не менее, по виду, старый, наверное, ровесник Колесникова.

– Манечка, внученька! – улыбнулся он и потянулся за ней. – Пойдем домой, бабушка заждалась!

Девочка весело рассмеялась, и легко впрыгнув в воздух, последовала за дедом, послав на прощание воздушный поцелуй остолбеневшему Колесникову, и только когда они оба исчезли за дверью, Анатолий Сергеевич различил голос дочери. Оказывается, она рассказывала что-то несущественное о своем Сереженьке.

– Боже мой, да за что же мне это? – простонал Колесников и про мучившие его галлюцинации и про глупости своей дочери.

– Папочка, ты пить хочешь, да? – подскочила тут Вера и бросилась ухаживать. – Что же ты сразу не сказал?

– Анатолий Сергеевич, мы вас вылечим! Мы можем это сделать! – смеялись молодые ученые, потрясая перед его носом запечатанной колбой с голубой водой.

– Старость – это болезнь. Любую болезнь, как известно, можно вылечить. Так вот, мы изобрели эликсир молодости, а может даже, эликсир бессмертия!

Колесников смотрел с глубоким недоверием.

– Анатолий Сергеевич, рискните, чем черт не шутит, – уговаривали его ученые, – правда, пробы прошли только мыши, но успешно, весьма успешно!

Вскричали они, наблюдая его отрицательную реакцию.

– И ведь вам все равно, вас же сюда умирать привезли! – с жестокостью, присущей не только ученым, как правило, сплошь циникам и скептикам, но и вообще молодым людям, заявили они, откупоривая колбу.

Если бы Анатолий Сергеевич мог, он бы пожал плечами и выпил, не глядя, но понюхав содержимое колбы и ощутив явственный запах спирта, скривился от отвращения.

– Что такое? – вскричали ученые и догадались, все же они были учеными, сунуть огрызок карандаша в слабую руку Колесникова, услужливо подставили раскрытую записную книжку.

Анатолий Сергеевич, преодолевая слабость, написал одно

слово: «спирт».

Ученые подтвердили и наперебой рассказали, как был выведен эликсир молодости, какие прошел испытания, как чувствуют себя подопытные мыши.

Колесников покачал головой в знак недоверия, но вспомнив про пугающие явления, произошедшие с ним в последнее время, согласился. И в самом деле, что он теряет, в лучшем случае, случае удачи – эту койку, душную палату, вечно пьяных медиков-студентов и смерти соседей, а в худшем опять-таки потеряет все это, но уже с правом на забвение или, что там происходит, после смерти? Теперь уже Колесников не смог бы с точностью утверждать, что и как происходит.

И потому, подумав, взвесив все «за» и «против», профессор Колесников под азартными взглядами своих болельщиков, молодых ученых, выпил содержимое колбы. Выпил и удивился, вкус показался ему знакомым, напоминающим вкус сладкого красного вина.

После, он уснул и потревоженный нянечкой, пришедшей кормить его обедом, вяло поел, снова уснул, чтобы проснуться к полднику, а потом и к ужину.

Ночь прошла без потрясений, наверное, потому что Колесников спал. Ему ничего не снилось, он ничего не слышал, а утром увидал, что на место Чудинова уже положили новенького, чрезвычайно тяжелого старика, вокруг которого сразу забегали, измеряя давление и делая уколы.

Наблюдая за суетой белохалаточников, Колесников пошевелился, с удивлением обнаружил, что может приподняться и дотянуться до бутылки с минералкой сам.

Через некоторое время, он сел, посидел в постели, спустил ноги и, не найдя на полу тапочек, заглянул в тумбочку, тапки были в самом низу, сложены в пакет.

«Мол, не пригодятся!» – усмехнулся Колесников и, нацепив тапочки, спустил ноги на пол.

– Смотрите, что старик вытворяет! – закричала тут, с ужасом в голосе, нянечка.

Врачи оглянулись. Наступила тишина, в которой только и было слышно тяжкое дыхание новоприбывшего.

– У него, наверное, агония! – перекрестилась на Колесникова, нянечка.

Но молодой доктор с азартным блеском в глазах, подскочил к Анатолию Сергеевичу:

– Ну-ка, батенька, неужели встанете, неужели пойдете?!

– И пойду! – упрямо набычившись, заявил Колесников.

– Заговорил! – взвыла нянечка.

Колесников встал, покачиваясь, сделал шаг-другой и сел обратно, в койку.

– Что же вы хотите, после полугода постельного режима! – хлопотал доктор.

С учащенным пульсом, поддерживаемый врачами, Колесников добрался до окна, выглянул в сад, приветственно махнул вороне каркнувшей на него с ветки широченного дуба

и едва не упал, но сумел выровняться, преодолеть слабость тела и почти самостоятельно добрести до койки.

От двери ему аплодировали молодые ученые, прорвавшись в числе других врачей, сбежавшихся на чудо воскрешения из мертвых, в палату.

– Кажется, эксперимент удался! – прошептал Колесников, забываясь тяжким сном.

– Какой эксперимент? – хищно вскинулся на ученых, доктор.

Ему объяснили.

Прошел день, два и Анатолия Сергеевича было не узнать. Он ходил, говорил тихо, но внятно. Дочь его, Вера следила круглыми, заплаканными, но абсолютно счастливыми глазами за передвижениями отца. Ученые вместе с доктором не отставали и беспрестанно докучали профессору своими измерениями, выстукиваниями и анализами.

Анатолий Сергеевич, между тем, наслаждался жизнью и самостоятельно выходил в сад, где ему каркала ворона и, где посреди асфальтовых дорожек, деревянных скамеечек можно было встретить редких пациентов, что держались на ногах. Случаи с колясками-инвалидками не про Россию да и таких средств передвижения, как инвалидные коляски Колесников что-то не наблюдал, разве каталки или как говорили медики – трупоперевозки, но кто же из больных, будучи в трезвом уме и ясной памяти добровольно согласиться лечь на них, даже если речь пойдет всего-навсего о прогулке по саду.

Жалея лежачих больных, Колесников прогуливался, опираясь на плечи своих друзей, молодых ученых. Изредка вел беседы на научные темы и, отдыхая на скамейке, с наслаждением подставлял лицо теплым лучам летнего солнышка, с трудом прорывающегося сквозь плотную листву скудно растущих деревьев.

– Это чудо какое-то! – однажды плакала над ним, Вера.

Она вообще стала необычайно сварлива и напугана. Ожидание большой беды так и плескалось в ее больших выпученных глазах.

– Ну, ну, не стоит расстраиваться! – покровительственно похлопал ее по плечу, Колесников и прищурился, вглядываясь.

Он плохо видел вдаль, но очков не носил, предпочитая разглядывать мир немного размытым. Кто-то торопливо шел по дорожке, явно стараясь поскорее приблизиться к нему.

Не зная от чего, но Колесников содрогнулся, выпрямился, а в следующее мгновение подскочил, вскакивая со скамейки.

– Папа, что с тобой? – вскрикнула Вера.

Перед Анатолием Сергеевичем стоял внук, Сергей. В тюремной робе, маленький, тщедушный, больной, он вызвал у Колесникова массу противоречивых чувств.

– Борешься со старухой? – подмигнул ему Сергей.

– Что еще за старуха! – разгневался Анатолий Сергеевич, думая, что внук так нелестно отзывается о своей матери.

– Смертью! – пояснил тут Сергей.

Анатолий Сергеевич упал обратно, на скамейку, не спуская глаз с внука.

Дочь что-то кричала, но Колесников не слышал, до него не доходило ни одного ее слова.

– Откуда ты? – спросил он у внука.

– Зарезали меня в зоне, – деловито доложил Сергей, при-

саживаясь рядом.

– Кто? – сразу поверил, что зарезали, устало спросил Анатолий Сергеевич.

– Кореш! – оскалился Сергей и добавил весело, – но я на него не в обиде, надоело жить, все тюрьма, да тюрьма.

– Сам виноват! – возразил ему Колесников.

– Нет, не виноват, – не согласился Сергей, – генетика виновата, мамаша слабоумная и папаша алкоголик.

На это Анатолию Сергеевичу нечего было сказать и Сергей, помолчав, продолжил:

– Пойду я!

– Сам? – усомнился Колесников.

– Сам, – подтвердил Сергей и рассмеялся, – можно и самому, не дожидаясь помощников, уйти туда!

– Не боишься?

– Нисколечко! – Сергей встал и, наблюдая за врачами, суетливо бегущими от больницы к деду, ткнул пальцем с обломленным ногтем в мать:

– Жаль ее, я бы попросил тебя о ней позаботиться, но тебе и самому скоро собираться!

– Ой, ли? – усомнился Колесников.

– Будь спок, – кивнул Сергей, – старуха своего не упустит, бороться с ней, что с ураганом в двести метров в секунду, унесет, опомниться, не успеешь!

И повернулся, проходя сквозь столпившихся над Колесниковым врачей, будто их тут и не было.

Анатолий Сергеевич проводил его задумчивым взглядом и залился слезами:

– Верочка, – протянул он к ней руки, – бедная моя, Сереженьку-то убили!

– Откуда ты знаешь? – отшатнулась она, глядя на него с недоверием.

– Он сейчас, приходил ко мне, – рыдал Колесников, – я вижу, я вижу их всех!

И принялся рассказывать.

Конечно, к нему направляли психиатров, но никаких особых отклонений в психике они не нашли, разве подавленное состояние, но оно было объяснимо, пришло известие об убийстве внука Колесникова.

Вера ездила хоронить. Вернулась в черном, без слез, но с вопросами, как Сереженька выглядел и хорошо ли ему было после смерти?

Анатолий Сергеевич не удивился, когда она достала из сумки молитвенник и принялась читать воззвания к Богородице, слезно прося за своего сына, нечто подобного он ожидал, но боялся, как бы его недалекая дочь не попала в руки сектантов.

Конечно, он переживал смерть внука, на людях горя старался не показывать, считая своей личной трагедией и ограниченное мышление дочери, и гибель разбойника, но родного, Сереженьки. По ночам, Анатолий Сергеевич размышлял, мог бы он что-либо изменить, скажем, в прошлом? И приходил к выводу, что не мог. Наверное, есть такие петли в жизни, когда вроде и готов изменить судьбу, а не получается, будто попадаешь в топь, болото и пока вырываешься, пока выползаешь на твердую почву, глядь и время прошло, а то, что хотел изменить, выросло, стало непослушным, сделалось человеком самостоятельным, почти взрослым. Вот это сло-

во – почти, всегда смущало Анатолия Сергеевича.

Да, полно, были ли его дети – Вера и Сережа, взрослыми? Нет, ответил он сам себе и еще раз, категорически, нет. Так как же можно было допустить, чтобы Вера, умственно отстающая, не перешагнувшая рубеж, скажем развития подростка, стала жить, будто взрослая женщина с мужиком, да еще и ребенка родила?!

Измученный угрызениями совести, Анатолий Сергеевич засыпал лишь под утро.

Между тем, дни шли за днями, состояние Колесникова улучшалось, сделалось стабильным и наконец, отпущенный на свободу, он смог покинуть больницу. Окрыленный воздухом свободы, он смеялся на заднем сидении автомобиля, который пригнали за ним его друзья, молодые ученые.

Проезжая по улицам города, Анатолий Сергеевич с удивлением наблюдал резкий прирост населения, горожан стало значительно больше. И многие вели себя более чем странно. Иные, сплоченно, плечом к плечу, ходили за одним человеком и, сжигая его ненавидящими взглядами, старались подстроить разные каверзы, вышибали из рук сумку или втихомолку вытаскивали ключи, выбрасывая последние, в канализационные люки.

– Чего это они делают? – наблюдая за людьми, с ожесточением преследующими молодую особу, явно зазнайку, воскликнул Анатолий Сергеевич.

– Вы о ком? – проследив за направлением его взгляда,

спросил один ученый. – Там только эта девица!

– И больше никого? – не мог поверить Колесников.

– Вокруг нее никого! – подтвердили ученые хором.

Колесников коротко поведал, что он видит.

– Они плюются в нее? – не поверили ученые и рассмеялись.

– Наверное, что-то натворила, – высказал свое мнение, один.

– Убила всех этих людей, – добавил другой.

– Отравила, – предположил третий.

Колесников напряженно наблюдал. Повсюду и тут, и там за живыми людьми ходили мертвые. Некоторые, в редких случаях, оберегали живых, открывали свои, наполненные туманом, зонтики, тем самым, спасая от солнечного удара, потому как день был жарким. Видел Колесников и пару случаев, когда мертвые удерживали живых и те послушно замирали на обочине дороги, хотя и горел зеленый свет, а на красный проносились убийцы, которых очень злобные мертвые подзуживали сокрушить, убить, досадить, все равно кому...

– Но ведь верующие ошибаются! – шлепнул себя по лбу, Колесников.

– В чем, профессор? – обернулся к нему один ученый.

– Это не бесы, а мертвые родственники нападают, сбивают с толку, гадят! – воскликнул так, будто сделал великое открытие, Колесников.

– Значит, есть за что! – кивнул другой ученый.

– Неужели всех преследуют? – задал вопрос, третий.

Колесников взгляделся. Нет, не всех, не у всякого была группа сопровождения. Встречались и такие индивидуумы, что ходили по городу в глубоком одиночестве.

– Чем же они отличаются от других? – допытывались ученые.

Колесников посмотрел, взглянул на своих друзей, подумал и ответил:

– Человечностью, вот чем они отличаются! Милосердием и вниманием! Да, вы взгляните на себя, – вскрикнул он, потрясенный до глубины души, – у вас нет группы сопровождения, возле вас нет ни одной мстительной души, ни одного ангела-хранителя в лице покойной бабушки, а почему?

– Почему? – хором переспросили ученые.

– Потому что вы самодостаточные и чрезвычайно развитые люди! Вы двести тысяч раз подумаете, прежде чем бросить родственника в беде или пройти мимо умирающего в больнице профессора, то есть, меня!

Спустя некоторое количество времени, Колесников окреп настолько, что принял участие в экспедиции. Путешествуя по сибирской тайге, сплаваясь в байдарках по чистым лесным речкам, он преобразился и помолодел. Сопровождающие его ученые, с большим удовольствием отметили в своих журналах истинный возраст Анатолия Сергеевича, то есть сорок лет, именно на столько, он себя и ощущал, так и выглядел. Победа была безусловной и неважно, сколько времени профессор еще бы прожил, главное, он мог работать, трудиться на благо своей родины. Болезнь по имени старость отступила, а вот смерть, кто знает!

Под ногами профессора хрустели сухие сосновые шишки. Густой смоляной запах стоял в воздухе. Колесников облизал пальцы, липкие от сладкой малины и улыбнулся. Некоторые сосны истекали желтой смолой. Некоторые поросли мхом настолько, что и ветви оказались мохнатыми, позеленевшими.

Профессор прошелся по мху, устилавшему землю, и оглянулся, тихо смеясь, следы его ног обутих в резиновые сапоги четко виднелись какое-то время, после исчезли.

Было раннее утро. Участники экспедиции еще спали, три байдарки сушились на берегу и мохнатый черный пес, по кличке Джек охранял пожитки, строго глядя на Анатолия Сергеевича.

– А, вот мы сейчас дежурного опередем, – сообщил ему профессор и хитро подмигнул, определяя кучу хвороста к кострищу.

– Пара минут и завтрак готов! – пропел он тихонько.

Джек смотрел уже заинтересованно.

Анатолий Сергеевич, не торопясь, засучил рукава, он недаром ходил по лесу, набрал полное ведро белых грибов!

Вскоре похлебка из «лешьего мяса» закипела. Приправив варево солью и специями, Анатолий Сергеевич взялся за нож, ловко открыл тушенку, высыпал ее содержимое на большую чугунную сковородку, туда же начистил грибов, которых оставалось еще довольно много, нашел в рюкзаке со съестными припасами пакет с картошкой, что накануне они прикупили в попутном селении, быстро справился с задачей очистки и нарезки. Восхитительный запах поднял на ноги не только пса, но и всю компанию туристов.

– А, Коленька проснулся! – приветствовал профессор первого ученого, высунувшего нос из палатки. – И Сашенька, и Ванечка, с добрым утром, Роман Григорьевич!

Приветствовал он своего коллегу, профессора и ученого, седого мужа, который сердито взирал, стоя на четвереньках на Колесникова:

– Что это вы себе позволяете, думаете, если я стар, так не смогу отдежурить! – возмущался Роман Григорьевич.

– Ну, уж и стар, – фыркнул Анатолий Сергеевич, – я вас старше!

– Не хвастайтесь, дорогой коллега! – брюзжал Роман Григорьевич, тем не менее, заглядывая в котелок с грибами и втягивая носом аромат жареной картошки с грибами.

– Ах, как я жареху люблю! – потер руки в предвкушении чудесного завтрака, Коленька.

– Вначале гигиенические процедуры! – строгим тоном, велел Колесников.

– Ишь, раскомандовался! – состроил рожу, Роман Григорьевич, но к реке пошел, не забыв прихватить зубную щетку и пасту, бриться он уже давно не брился, предпочитая носить длинную бороду.

После завтрака, который уничтожили в два счета, на свежем воздухе как не поесть, принялись совместно обсуждать дальнейшие действия.

Перед учеными лежала карта и Роман Григорьевич, сердясь, настаивал на своем:

– Вот, здесь, мы должны проплыть по реке, а после, оставив байдарки и вещи на Джека, – и он ткнул в пса с сытым видом улегшегося спать, – мы поднимемся наверх, пешком, если пойдем по компасу, сразу же и выйдем на ту самую деревню, где живет ста пятидесятилетний долгожитель, не чета нашему профессору.

И он высунул язык, дразнясь.

– Но Роман Григорьевич, – не соглашался Николай, – мы так потеряем много сил, а все к чему?

– К чему? – эхом отозвался Роман Григорьевич.

– Да ни к чему, дурья башка! – рассердился Анатолий Сергеевич. – Доплывем по реке до твоей деревни, тут, за поворотом, она и будет и незачем таскаться по незнакомому лесу!

– Кто бы говорил! – съязвил Роман Григорьевич, указывая на опустевший котелок, где совсем недавно была похлебка из белых грибов.

– Это совсем другое, я не удалялся от места стоянки, – возразил Анатолий Сергеевич.

До деревни, где, по мнению Романа Григорьевича, жил необыкновенный долгожитель, весьма хитрый старикашка, умеющий скрывать свой истинный возраст от паспортистов, они добрались лишь к вечеру. Деревенские встретили их ласково, с поклонами, туристов мало бывало в этих глухих сибирских местах и местные сетовали, говоря, что, мол, ведутся люди на пропаганду, едут на юга, за границу, когда тут, в Сибири такая природа и такой кристально-чистый воздух!

Ученые расположились в избе самого старого человека на деревне, по паспорту ста девятнадцати лет, а по факту, ста пятидесяти. Долгожитель казался человеком неопределенного возраста, с легкостью ему можно было приписать, как тридцать, так и все пятьдесят лет, но не сто пятьдесят, это точно.

Роман Григорьевич, с недоверием покрутив паспорт долгожителя и послушав его речь, с головой выдававшей крестьянское происхождение и старый русский говор времен де-

вятнадцатого века, пошел в любовую атаку.

– Причина моей молодости? – задумчиво переспросил долгожитель и равнодушно обронил. – Колдун – я!

– И это помогает молодо выглядеть? – не поверил Роман Григорьевич. – Ну, знаете, милейший, разрешите ваши слова, так сказать, подвергнуть сомнению!

– Необычный колдун, – прервал его долгожитель и добавил так, будто это все объясняло, – хожу между мирами. Сноходец!

– Сноходец? – растерялся Роман Григорьевич.

– Энергию ворую у Сатаны, – буднично доложил колдун.

– У Сатаны? – еще более растерялся Роман Григорьевич.

– А как он реагирует? – заинтересовался Анатолий Сергеевич.

– Он-то? – сноходец рассеянно глянул в окно. – Вначале подослал Абадонну, а когда я вывернулся, избежал смерти, оставил в покое. Изредка, правда, проверяет.

– И что тогда? – допытывался Анатолий Сергеевич.

– Птицы перестают петь, воздух начинает дрожать, а я совсем не могу спать, все жду, как он явится?

– И как же?

– В обыкновении жалеет меня, не приходит, но бывает и приходит.

– Сатана? – вторгся тут Роман Григорьевич.

– Он самый, – кивнул колдун.

– И что же вы можете описать его? – прищурился Роман

Григорьевич.

– А чего его описывать! – пожал плечами долгожитель. – Ростом всегда громадина, метра три, а то и выше, это как ему вздумается, рога метра полтора, черный весь, лица не видеть.

– И это радует! – заключил Анатолий Сергеевич.

Колдун с сомнением покачал головой:

– Главное – не внешний вид, лоск и белые перья, а то, какой он на самом деле!

– И какой же? – потребовал Роман Григорьевич.

– Требовательный, – вздохнул колдун, – терпеть не может предателей, ну да вам это зачем, вы же не колдуны!

Посмотрел он на них ясными глазами.

– Нет, вы подумайте, каков фрукт, – возмутился Роман Григорьевич, отплывая в своей байдарке, которую делил с молодым Ванечкой.

– Мудрец! – засмеялся Анатолий Сергеевич.

– А я не верю, что ему сто с лишком лет, – заметил Коленька.

– Да уж, – кивнул, соглашаясь с товарищем, Сашенька.

– Подделал паспорт и все дела, – решил Роман Григорьевич, загребая веслом так сильно, что байдарка закрутилась на месте.

– Это все вы, Роман Григорьевич, со своим долгожителем! – заметил Анатолий Сергеевич и передразнил, повторив, как видно, слова коллеги. – Надобно учитывать такой

фактор, как естественные долгожители!

И добавил, огорченно вздохнув:

– Я понимаю, если бы тот сноходец к ста пятидесяти годам впал в детство, но выглядеть на тридцать лет, в крайнем случае, на пятьдесят и говорить трезво, разумно, увольте!

– Признаю свою ошибку, – поник головой Роман Григорьевич.

Между тем, оставив деревню с чудным «долгожителем» позади, ученые углубились в пленительный край сибирских зеленых лесов и чистых полноводных рек.

В тщательно отглаженных брюках и белоснежной рубашке, Роман Григорьевич выглядел, тем не менее, диковато в обществе привычных к костюмам и галстукам светских мужчин, легко и непринужденно ведущих беседы с дамами.

Роман Григорьевич аж передернулся от отвращения, ну, о чем можно разговаривать с женщинами? Разве, о тряпках, бутиках, косметике? Разве, о сопливых и вечно капризных детях? Разве о диетах и проблемах пищеварения? О чем?!

Он прошелся рядом с группой беседующих мужчин и женщин, и остановился сраженный на месте, когда услышал, как женщина в умопомрачительном, явно дорогом костюме, так и сыплет эксклюзивными словечками, присущими разве что президенту страны и его окружению. Кстати, и президент стоял тут же, с вежливым видом выслушивая от молодых ученых, Ванечки, Коленьки и Сашеньки научную белиберду об их открытии.

– Пожалуй, – кивнул президент, – это на нобелевскую премию тянет!

– Да что вы! – несли молодые ученые в полном восторге. – Нас интересует только суть проекта! А ведь суть одна – эликсир молодости!

– А может и бессмертия! – съязвил Роман Григорьевич и смешался, когда общество, включая президента, оберну-

лось к нему в ожидании продолжения речи.

– Ну, уж! – буркнул Роман Григорьевич и поспешно ретировался за кулисы, где томился, сидя в гримерке, профессор Колесников.

– Прямо – артист! – восхитился Роман Григорьевич, наблюдая, как гримеры ловко накладывают на загорелые после похода щеки профессора тоны грима.

– Чтобы не блестели, – оправдывался профессор, – там телевидение будет снимать!

– Поговори мне, – пожурил профессора Роман Григорьевич и спустился в зрительный зал.

Анатолий Сергеевич проводил его задумчивым взглядом. Роман Григорьевич, а попросту Ромка, был старым товарищем Колесникова. Они вместе учились в школе, сидели за одной партой, беспрестанно соревновались в учебе и получении отличных отметок. Вместе, наперекор родным, пошли в армию и вместе поступили после службы в технический институт. Тогда и повелось называть друг друга на «вы» и исключительно по имени и отчеству, это был стиль, их собственная фишка. Оба, почти одновременно женились на сокурсницах и оба народили детей, только у Романа Григорьевича дитя не прожив и недели, скончалась, следом за дочерью ушла и супруга. Роман озлобился, замкнулся в себе, а с обрушением Советов запил, опустился, ходил по дворам, собирал бутылки, сдавал, на эти копейки и жил. С большим трудом вернул его к жизни Анатолий Сергеевич и теперь на-

блюдал, как добрым ангелом-хранителем следует по пятам за его другом умершая жена, вся в белом. Маленькой дочери Романа Григорьевича не наблюдалось, по всей видимости, у младенцев был другой путь.

– Их путь – есть царствие небесное! – пробормотал Анатолий Сергеевич.

– Что, простите? – наклонилась к нему гримерша.

– Нет, ничего, это я не вам, – рассеянно произнес Анатолий Сергеевич.

Постепенно, к виду призраков, повсюду преследующих живых, он привык. Но все же, испытал состояние шока, когда увидел переполненный зал, где было не столько живущих на этом свете людей, сколько уже отживших. Мертвые едва только на головах у живых не сидели.

– Так вы его друг? – вкрадчиво проговорила женщина из окружения президента.

– С чего это вы взяли? – неприязненно покосившись в сторону женщины, ответил Роман Григорьевич.

– Мне все известно! – категорическим тоном заявила она.

– Что, именно, позвольте узнать?

– Все! – загадочно ответила женщина и провела длинным пальцем по руке ученого, от чего он мгновенно покрылся мурашками отвращения.

– Выкрадите для меня эликсир молодости! – выдохнула она ему в лицо. – И я вся ваша!

Роман Григорьевич замахал руками, вскочил, чихая, ри-

нулся прочь из зала. Женщина попыталась было схватить ученого за рукав пиджака, но промахнулась, и Роман Григорьевич проворно скрылся за спинами чиновников, обсуждавших перспективы использования, а главное, перспективы возможностей, естественно, прежде всего, собственных возможностей исцеления от старости, о нуждах народа можно было подумать, но потом.

– Ну, знаешь, дорого же мне далась твоя презентация! – заявил он, влетев в гримерку и плотно прикрыв двери за собой.

– Что такое, Рома, слезы на глазах? – иронически улыбнулся Колесников.

– Слезы умиления! – действительно вытирая слезы, скорчился Роман Григорьевич. – Просто поклонница твоего эликсира едва-едва меня запахом мятной жвачки не задушила!

– Ну, во-первых, эликсир, отнюдь не мой, – начал Анатолий Сергеевич.

– Отстань! – отмахнулся Роман Григорьевич. – Знаю – это изобретение твоих протеже. Но, все же, твоих протеже!

Поднял он палец кверху, значительно посмотрев на друга.

– И я не одобряю! – ворчливо проговорил Роман Григорьевич. – Что испытания предварительно не провели, хотя бы на обезьянах!

– Обезьян было жалко! – сообщил Анатолий Сергеевич.

– А тебя не жалко?

– Я умирал! – возразил Колесников и махнул. – Оставь ты этот вопрос, Рома. Я отлично себя чувствую, состояние вроде бы стабильное!

– А побочные эффекты?

– Призраков и до приема эликсира видел! – не согласился с другом, профессор.

– Не хватало только дьявола увидеть! – проворчал Роман Григорьевич.

– Лучше ответь мне, ты сам не желаешь омолодиться?

– Я?! – взвился Роман Григорьевич. – Желаю состариться и умереть! У меня и место на кладбище уже есть! Договорился с батюшкой!

– С батюшкой? – переспросил Анатолий Сергеевич.

– В деревне, – пустился в объяснения Роман Григорьевич, – где у нас с женой дом есть. Ты помнишь, там тесть у церкви похоронен, дочка моя и жена. Кладбище закрыто, но я повадился мед батюшке поставлять.

– Неужели, пасека еще жива?

– Двадцать ульев! – загордился Роман Григорьевич и продолжил. – Священник обещал схоронить меня возле родных.

– Зачем ты мне это говоришь? – передернулся Анатолий Сергеевич.

– Ты меня старше! – напомнил Роман Григорьевич. – Стало быть, ответственнее.

– Всего на пару месяцев старше! – подытожил Колесников, выглядевший лет на двадцать пять, в то время как Ро-

ман Григорьевич оставался стариком с седой бородой.

10

Дождевые капли медленно ползли по оконным стеклам и Колесников провожал их, тыкая пальцем в каждую. Некоторые его слушались и срывались вниз, в мокрую траву, другие нипочем не слушались, а застыв, чего-то ждали, как-то прислушивались и тут падали, пропадая в сырой темноте.

– Толенька, ты покушал? – вошла в двери, Вера.

– Отвяжись! – сказал Анатолий Сергеевич, с ненавистью поглядев в сторону дочери. – Я тебе не сын, а отец!

– А выглядишь, как сын! – умиленно глядя на отца, заявила дочь.

– Это побочный эффект эликсира молодости! – выкрикнул, обиженно выпятив губы, профессор.

В двери квартиры позвонили и еще раз, и еще.

– Звонят, ты не слышишь, что ли?! – закричал, топая ногами, Колесников.

– Бегу, бегу, Толенька, только не нервничай! – засуетилась Вера и поспешила открывать.

– Представь себе, – ворвался в квартиру, Роман Григорьевич, – эта дура из президентского окружения все-таки выкрала две колбы эликсира, выпила и помолодела!

– Насколько помолодела? – презрительно сощурился Анатолий Сергеевич.

Роман Григорьевич помрачнел и уселся на диван:

– Анатолий Сергеевич, ты знаешь, мое отношение к этому эксперименту. И твои ученые, где они? Где Ванечка, Коленька, Сашенька?

– Они заходят! – отмахнулся Колесников. – Берут кровь на анализ!

– И как?

– Все анализы в норме!

– В норме? – не поверил Роман Григорьевич, пристально рассматривая пятнадцатилетнего подростка.

– В норме для юношеского возраста!

– Помню тебя подростком, – усмехнулся Роман Григорьевич, – ты был неуправляем!

– В каком это смысле? – сердился Анатолий Сергеевич.

– Фантастически неуправляем! – настаивал Роман Григорьевич. – Только я и мог с тобой справиться!

– И я! – добавила Вера, глядя на Колесникова с печальной любовью.

– Вот что с ней делать! – забежал по комнате, профессор. – Я превратился в мальчика, и она рада по уши, сделаюсь младенцем, так она меня в пеленки замотает и будет рада баюкать!

– Ах, если бы и Роман Григорьевич стал маленьким! – мечтательно произнесла, Вера.

– Еще чего! – фыркнул Роман Григорьевич.

– Ничего не понимает, – закатил глаза кверху, Колесников, – ведь, если так дальше пойдет, я исчезну, растворюсь

в воздухе, будто и не был никогда!

– Тоже хорошо, – оптимистично заявил Роман Григорьевич, – место на кладбище заказывать не надо!

– Я, между прочим, переживаю! – закричал профессор вне себя от раздражения.

– Тебе-то что, вот женщине из окружения президента уже шесть месяцев!

– Шесть месяцев? – переспросил Колесников, останавливаясь.

– Две дозы эликсира – не шутки! – заметил Роман Григорьевич.

– А рост? – сварливо осведомился профессор.

– Уменьшилась до состояния нормального полугодовалого ребенка! – делая ударение на слово «нормального», высказался Роман Григорьевич.

– Надеюсь, она находится не дома? – забеспокоился Колесников.

– Можешь не волноваться, – фыркнул Роман Григорьевич, – она в научном центре, под неусыпным наблюдением твоих ученых и личным контролем самого президента!

– Она первой исчезнет! – нервничал профессор.

Звонок в дверь прервал цепь лихорадочных рассуждений ученых.

В квартиру вбежали трое.

– Легки на помине, – проворчал Роман Григорьевич с неодобрением наблюдая за суетливыми сверх меры телом-

движениями молодых ученых.

– Анатолий Сергеевич, у нас потрясающая новость! – вскричал радостно, Ванечка.

– Мы готовы подтвердить научно, – поддержал товарища Сашенька.

– Что еще? – забеспокоился Анатолий Сергеевич. – Женщина из окружения президента умерла, исчезла, дойдя до нулевого состояния, предшествующего рождению?

– Нет! – торжествуя, вскричал Коленька.

– Пошел обратный ход! – вмешался Ванечка, приплясывая.

– То есть? Объясните! – потребовал Колесников.

– Ей уже шесть лет и она продолжает стремительно расти! – хором произнесли молодые ученые.

– Не по годам, а по часам? – ехидно заметил Роман Григорьевич.

– Именно! – рассмеялись молодые ученые, явно испытывая эйфорию от разрешившейся проблемы.

– Поздравляю! – скептически хмыкнул Роман Григорьевич.

Молодые ученые озадаченно переглянулись, потупились.

– Анатолий Сергеевич, – начал Ванечка.

– Влияние эликсира молодости, – продолжил Сашенька.

– Нам необходимо перевести вас в центр, – категорично заявил Коленька.

– Не буду надевать эту пижаму, она мне не идет! – вопила женщина из окружения президента.

Выглядела она девчушкой лет пятнадцати.

Пробегая по коридору, мимо прозрачного бокса, где опутанный проводами, мирно спал младенец в капсуле для недоношенных детей, она, дразнясь, высунула язык.

Роман Григорьевич и Вера смотрели на эту сцену, скептически поджимая губы. Роман Григорьевич поправил белоснежную докторскую шапочку, украшавшую его голову, взглянул на младенца:

– Никогда его таким не видел!

– Хорошенький, – умилилась Вера, роняя слезу.

– Он твой отец! – напомнил Роман Григорьевич.

– Знаю, – вздохнула Вера, – просто не могу удержаться, я так мечтала о внуках!

Расплакалась она и, всхлипывая, продолжила говорить:

– Чтобы все как у людей, дети, внуки, дом – полная чаша!

Неожиданно и Роман Григорьевич всхлипнул, вытер непрошеную слезу.

– Эх, Вера, нам ли быть в печали! – грустно улыбнулся он, обнимая ее за плечи.

– Показания в норме! – пробегая мимо и пытаясь схватить непослушную девочку, ту самую, бывшую женщиной

из окружения президента.

– В норме для кого? – насмешливо осведомился Роман Григорьевич.

– В норме для недоношенного младенца, пятимесячного! – прокричал из конца коридора, молодой ученый.

Вера ахнула, а Роман Григорьевич сказал:

– Вот всегда так, риск – благородное дело! Сколько замечательных мудрецов погибло от неправильно пошедшего эксперимента! Испытано на себе, говорят одни, а другие валяются в могилах!

Вера разрыдалась и, прикинув к стеклянному боксу, шептала, глядя на неподвижного ребенка:

– Папа, папочка!

Мимо пробежала девушка лет семнадцати, та самая, женщина из окружения президента и остановилась, кокетничая с Сашенькой.

– Растет! – кивнул он на девушку.

Вера и Роман Григорьевич бросили быстрый взгляд на младенца и одновременно вскрикнули, младенец стал больше. Пошел обратный ход!

Через неделю Вера уже еле поспевала за шустрым пятилетним отцом. Через две недели спорила с непокорным подростком. Через три недели уговаривала его бриться.

А через два месяца перед собранием ученых научного института стояли двое: молодая женщина, лет двадцати пяти и мужчина, лет сорока.

– Потеряли ли они прежние, накопленные за жизнь, знания? – прозвучал вопрос из зала.

Молодые ученые, чинно восседающие за длинным столом, накрытым белой скатертью, не задумываясь, синхронно ответили:

– Нет!

Тогда присутствующие в зале, недоверчиво обратились к профессору:

– Анатолий Сергеевич, что произошло за время вашей трансформации?

– В какое-то время, – начал Колесников, – у меня помутилось сознание.

– На что это было похоже? – выкрикнули из зала.

– На сильное опьянение, когда не можешь сообразить, где ты и что с тобой! – тут же ответил, со знанием дела, Колесников.

– И когда вас настигло такое состояние?

– Когда я деградировал до состояния пятилетнего ребенка!

– А при обратном ходе? – допытывались присутствующие.

– То же самое, – отвечал профессор, – но по мере роста тела, а стало быть, и мозга, знания возвращались и уже в возрасте пятнадцати лет совершенно восстановились!

– А вы? – обратились из зала к женщине из окружения президента.

– Ну, не знаю, – надула она губы, капризно оглядывая

аудиторию.

– Она не восстановилась, – ответил за нее Ванечка.

– Что это значит? – зашумели ученые.

Коленька поднял руку, призывая к тишине:

– Все просто. Ее знания, – показал он рукой на девушку, – были не настоящими. Она оперировала чужими фразами, использовала чужие мысли, выдавая за собственные, но пройдя обратный ход, стала тем, кем является.

– Курицей! – громко произнес Роман Григорьевич, сидевший на переднем ряду.

– Сам ты курица! – обиделась девица и демонстративно задрала нос. – Дурак!

Ученые вновь зашумели.

– То есть, выражаясь конкретнее, – прокричали из зала, – выпив эликсир молодости, любой может деградировать, хотя и казался окружающим умным и эрудированным человеком?

– Именно! – улыбнулся Сашенька.

– Но, кто же решится на такой эксперимент, есть ли у вас еще желающие?

– Дураков нет! – насмешливо произнес Роман Григорьевич.

– Сам дурак, – тут же среагировала девица, бросив обиженный взгляд на седого ученого.

– Кандидатов нет, – печально произнес Ванечка и воспрянул, – но мы работаем над эликсиром, возможно в ближай-

шем будущем...

– Надо попробовать убрать спирт из состава эликсира, – вмешался тут профессор Колесников.

– Что, простите? – хором спросили молодые ученые.

– Убрать спирт, – повторил Колесников непреклонно, – и тогда, все будет хорошо!

Осенний воздух был прозрачен и чист, чувствовалось приближение зимы. Клены уже одевшиеся в багряные наряды горделиво покачивались под тихим, спокойным ветерком.

Колесников поглядев в окно, вздохнул и продолжил прерванный, было, разговор с другом:

– Дом можно купить и продать. Автомобиль рано или поздно заменить, а вот близкого человека заменить нельзя, никогда нельзя!

Роман Григорьевич согласно кивнул и взглянул вверх. Под потолком висела синяя люстра. Ее неправдоподобный свет смешивался с мягким светом настенных цветных бра. Пол был укрыт, синим ковром.

Из кухни доносился запах жареной картошки с луком.

– Вера старается! – мечтательно улыбнулся Анатолий Сергеевич.

– Вся жизнь впереди! – закивал Роман Григорьевич.

– А что она видела? – спросил Анатолий Сергеевич.

– Ты о чем?

Колесников принялся перечислять, не забыв упоминуть школу для тупых детей, выживание в девяностые годы и пьяницу-мужа с погибшим внуком, Сережей.

О Сереже ему хотелось поговорить с другом отдельно,

но тут в комнату вошла Вера и пригласила друзей к столу, на кухню.

– А как твои призраки?

– Вижу! – равнодушно обронил Анатолий Сергеевич.

– Ну и? – отправляя кусочек жареной картошки в рот, спросил Роман Григорьевич.

– Никак! – пожал плечами Колесников. – Что я им? Они, в основном, ходят за своими родственниками.

– Бледные и мрачные?

– Всякие, – пожал плечами профессор, не рассказывая о присутствующей тут же, жене друга, легкими пальчиками касающейся седой шевелюры мужа, – честно говоря, на первых порах я опасался, что сошел с ума, и как хорошо было, меня тогда никто не понимал!

– Ты пускал пузыри! – вспомнил Роман Григорьевич. – И я, каждый раз навещая тебя, не мог подойти к твоей кровати, оставался у двери.

– Почему?

– Прощался с тобой! Всегда думал, ты не доживешь до завтрашнего дня!

– Еще неизвестно, кто из нас откинется первым, – заметил Анатолий Сергеевич.

– Но? – вскинулся Роман Григорьевич.

– Да, да, стабильности пока нет!

– И?

– Надо воспользоваться отпущенным мне временем!

– Горы? – предположил Роман Григорьевич.

– Кавказ, – убежденно заявил Анатолий Сергеевич.

– Вера! – одновременно воскликнули оба друга.

– Конечно, я бы съездила, – немедленно отозвалась Вера, – жаль только, папа вырос и опять стал взрослым.

– Нет-нет, моя дорогая, – мягко возразил Анатолий Сергеевич, – на самом деле я сейчас всего лет на десять старше своего внука. Теперь мне почти сорок лет.

– Вот это, да! – воскликнула почти шестидесятилетняя Вера и с энтузиазмом принялась ухаживать за отцом, подкладывая ему новые кусочки жареной картошки.

Роман Григорьевич рассмеялся:

– А я по возрасту и внешнему виду, стало быть, глава вашей семьи!

– Мы не против! – заметил Анатолий Сергеевич, вскакивая и хватая Веру за руки.

Они оба заплясали по кухне, а Роман Григорьевич к ним присоединился.

13 (Последняя. Совсем коротенькая)

Изобретение эликсира молодости ввиду побочного эффекта совет российского научного центра признал недоработанным и отправил погорюстневших молодых ученых трудиться над решением этой задачи!

Профессор Колесников посвятил жизнь дочери и другу. И сколько бы ему ни осталось, он как-то более не пугался, наблюдая двойной мир вокруг себя, наверное, привык. Единственное, что напрягало – это ожидание «старухи». Анатолий Сергеевич хорошо помнил предупреждение внука и ждал, каждый день ждал появления той самой черной фигуры, что унесла тучного старика, но пока суть, да дело, можно было встречать рассветы и провожать закаты так, словно наступил последний день его жизни...

Елена по прозвищу «Птица»

Нападение

Завернув за угол, она прислонилась к стене. Пульс бешено скакал. Руки тряслись, колени подгибались, дыхание никак не восстанавливалось. Да, где же этот чертов маньяк? Она крепче сжала рукоятку ножа и приготовилась нанести удар. Время шло, часики тикали, никого.

Он меня подстерегает с другой стороны стены, поняла она, от этой мысли у нее застучало в висках. Не выдержав напряжения, она сорвалась с места и выскочила, чтобы узнать, где притаился преступник.

Прошла целая вечность, прежде чем до нее дошла картина увиденного. словно в трансе подошла она к телу, валяющемуся у дороги, перевернула ногой, брезгуя и опасаясь прикасаться. Маньяк неподвижно уставился прямо перед собой. На рубашке у него расплывалось большое темное пятно.

– Ты мертвый, что ли? – отпрянула она.

Конечно, перед ней был мертвец. Но как? Она взглянула на нож, чистое короткое лезвие перочинного ножичка с набором открывашек и штопора для бутылок вина никак не могло нанести такого серьезного ранения.

Она настороженно прислушалась к темному парку, напря-

женно обдумывая ситуацию. Почувствовала нечто и бросилась бежать.

Захлопнув двери квартиры, перевела дыхание.

– Елена, ты что ли? – крикнула мать из родительской спальни.

Она подтвердила. Мать напомнила об ужине на плите.

Хвала небесам, что мать у нее устала после смены, она работала охранницей в супермаркете, а отец, сморенный очередной дозой вина, спал беспробудным сном выпивошки. Ей не хотелось сейчас объяснять родителям, почему она в таком состоянии. В зеркале отразилась ее бледная физиономия и совершенно безумные глаза.

Елена хмыкнула, осмотрев ножик еще раз, уже при ярком свете настольной лампы в своей комнате. Нож, как и следовало ожидать, был абсолютно чистый, она не ударяла маньяка, а только удирала от него! Все, что он успел, это проорать ей вдогонку всякие непристойности и угрозу догнать.

Елена Птицына – вот ее имя и фамилия. Девушка девятнадцати лет. Студентка-первокурсница филологического отделения педагогического университета с обыкновенной внешностью, веснушками на носу и неумемным желанием петь, смеяться, веселиться.

На кровати валялась шестиструнная гитара, верная подруга частых туристических поездок и шумных студенческих посиделок, где Елена Птицына мгновенно превращалась в певучую Птицу.

– Птица, спой! – слышалось тогда со всех сторон.

И она пела, большей частью песни Высоцкого, Визбора и Цоя, а друзья подпевали. Любила она и Розенбаума, и Талькова, а для души напевала песни Елены Камбуровой.

На улице пошел дождь. Птица подошла к окну, выглянула, капли молотили по подоконнику, срываясь вниз, в гулкую пустоту темного двора.

Странно, когда она пробегала, фонари светили, но теперь, ни одного огонька не было видно. Ее пятиэтажка, конечно же тоже погружена в темноту, дом населяли, в основном, представители старшего поколения, любители рано завалиться спать.

Птица сообразила, кинулась к настольной лампе, выключила и снова прильнула к окну. Но сколько, ни вглядывалась, так никого и не увидела.

Родители

– Да, если ты не дашь мне денег, пойду и зарежу, – бубнил отец с кухни, – дай денег, мать!

– Не дам! – гремела сковородками, мать.

– Вот из-за таких, как ты, может перевернуться мир с ног на голову и наступит конец.

– Кому наступит? – спрашивала сердито, мать.

– Мне! – уверенно говорил отец. – Потому как я вынужден буду убить!

Птица зажала уши ладонями, с ужасом глядя на стену, где с плаката на нее равнодушно смотрел солист заморской рок-группы.

– Я не убивала, – прошептала она, убежденная в своей правоте и выскользнула из-под одеяла.

Отец сидел на стуле, лицом к выходу. Окно за его спиной было чуть приоткрытым, струя осеннего воздуха холодила кожу. Никто не возражал. При повышенном давлении нужда в свежем воздухе у обоих родителей перешла в манию.

Птица вздрогнула, вспомнив события вчерашнего вечера. Ее мысли, наверное, слишком явно отразились на лице, потому что, мать спросила:

– Какого лешего ты ужин вчера не съела или заболела?

Пока Елена обдумывала ответ, отец возмущенно фыркнул:

– А я голодный, завтрак не могу дожидаться, давай ее ужин мне!

– На! – швырнула мать ему сковородку с остатками жареной картошки и одной единственной котлеткой.

– Не густо! – сообщил отец, набрасываясь на пищу.

– Поговори мне еще! – пригрозила ему мать и повернулась к дочери. – Надеюсь, завтракать ты будешь?

Птица рассеянно кивнула и тут вспомнила о деньгах, что получила накануне за какой-никакой, но концерт, проведенный во дворце молодежи. Не посвященные в ее планы родители страшно обрадовались пухлой пачке денег, что протянула Елена матери.

– Не лапай! – хлопнула по руке отца, мать и воззрилась на дочь. – Откуда?

Птица коротко объяснила.

– И ты поёшь, как настоящая певица? – не поверил отец.

– Почти, – уклончиво заметила Птица.

Родители смотрели на нее во все глаза. Когда она, месяц назад принесла первую свою стипендию, мать долго вертела в руках тощую пачку сотенных, которые полагались учащимся университета в качестве моральной поддержки, о материальной, как всегда, в России, тем более для студентов, конечно и речи быть не могло.

– Пойду, что ли мешок сахара куплю, – неуверенно предположила тогда мать.

– Ага, – поддержал ее отец и добавил, – если хватит!

На сей раз, родители оживились, делая разные предположения, наконец, остановились на покупке зимней одежды и обуви для всех троих. Отец еще выпросил себе самую дешевую зимнюю удочку.

Оглядев кухню с замызганными обоями и потемневшей от времени, люстрой, решили сделать ремонт, и мать настояла на покупке дорогих виниловых обоев. Вспомнила, в каком магазине видела люстру в цветочек, и отец напомнил о замене линолеума. Родители, не откладывая в долгий ящик, с энтузиазмом взялись за дело.

Птица не захотела принимать участия в общем дурдоме и оделась для выхода на улицу.

Мать успела прокричать ей вслед:

– Купи хлеба!

Славные старушки

Во дворе шуровала метлой дворничиха, тетя Капа. Сколько себя помнила, Птица всегда видела тетю Капу или Капитолину Петровну в двух шерстяных серых кофтах, длиной, до пят, темной, юбке и валенках с калошами. Передвигалась тетя Капа со своей метлой медленно, но неуклонно. Во дворе всегда было чисто и не столько от ее усилий, сколько от усилий сердитых старушек, вечно населяющих многоквартирный дом.

Старушки зорко следили из окошек и, высовывая нос в форточку, кричали пронзительными, злыми голосами: «А ну, подними бумажку!»

Старушки набрасывались пестрой толпой из цветастых кофточек и легких головных платочков, потрясая сухими кулачками, на дворовых алкоголиков, теснили запинаящихся пьянчуг в сторону темного нелюдимого парка и когда алкаши исчезали за деревьями, торжествовали так, будто одержали великую победу над врагами всего человечества.

Птица оглядела двор, конечно и в такой утренний час вполне можно было обнаружить одну-две старушки, хлопочущих над клумбами ярко-оранжевых бархатцев. Клумб вообще виднелось великое множество, летом стену дома увидали еще и вьюны, цепляющиеся от балкона к балкону, создавая впечатление безусловного единения дома с соседним

темным парком, буреломам которого могли бы позавидовать тропические леса Амазонки. Невиданное количество цветов, беспрестанно выращиваемых старушками, привлекали пчел и шмелей, изредка потому с кусачими насекомыми шла нешуточная борьба и по ночам от топота и криков на чердаке, где обнаруживалось очередное гнездо, скажем, ос, не спал весь дом. А после, задушенные дихлофосом, жильцы спешно покидали свои квартиры, чтобы гудеть над проблемой, на свежем воздухе.

Но старушки развивали свою активную трудовую деятельность не только во дворе, их чрезвычайно раздражал заросший чертополохом и бурьяном, темный парк по соседству. Откричав про советские субботники, когда каждую весну и осень парк усилиями многочисленных комсомольских бригад приводился в порядок и не получив должного отклика у вечно занятых жильцов среднего поколения, старушки сами принялись за дело.

Утро они посвящали цветочным клумбам, а день и вечер темному парку. Треск и стук тогда стоял великий. Потревоженные алкоголики оставляя насиженные пеньки вынуждены были сдавать позиции и отступать.

Парк был огромен. Во времена молодости старушек, первый секретарь городского комитета КПСС велел в парке проложить множество дорожек, заасфальтировать и предложил молодежи со своих двоих пересечь на велосипеды.

Электрики, над дорожками протянули провода, навеси-

ли цветных фонариков, создавая атмосферу постоянного праздника. Зимой фонарики продолжали светить, потому, как поверх дорожек была накатана твердая лыжня.

Обнаружив потрескавшиеся от времени, асфальтовые дорожки под упавшими от старости, деревьями, старушки издавали такой восторженный рев, что мохнатые гусеницы падали с зарослей крапивы.

Птица тоже принимала участие в чистке парка, организовывала студентов своего университета и хотя проучилась без году неделя, имела эффект бомбы. Ее зажигательная речь, а главное, информация о цветных фонариках и асфальтовых дорожках понравились молодежи настолько, что студенты ринулись в бой. Старушки встретили подмогу радостным гомоном.

Слухи по городу распространяются быстро, таким образом, идея о цветных фонариках и велосипедных дорожках вдохновила на трудовой подвиг студентов технических вузов и физически активных учащихся театрального института.

А, когда на помощь молодежи пришли еще и школьники, которых организовали неравнодушные к проблемам города директора некоторых школ, власть имущие в лице мэра и губернатора, наконец-таки обратили внимание на интересы горожан.

Вслед за тем, появилась спецтехника и многочисленные рабочие в оранжевых комбинезонах принялись помогать решительно настроенному населению.

Асфальтовые дорожки замостили заново. Над дорожками протянули провода и навесили цветные фонарики.

Власти города расщедрились, понаставили по всему парку скамеек, чему несказанно обрадовались городские алкаши, пеньков ведь больше не существовало. Возле скамеек обязательны стали урны с мусорными пакетами и дворники с метлами. Но старушки не доверяя особо нынешним властям, как известно зарекомендовавшим себя не самым лучшим образом, каждый день несли дозор в качестве добровольной дружины. Вооруженные красными повязками на рукавах, где четко было выписано: «Дружинник», со свистками на шее, призванными служить в качестве вызова доблестных стражей порядка, как правило, дремлющих в «бобиках» на входе в парк, старушки воинственно топали с утра до вечера и с вечера до утра, неустанно требуя от забулдыг и гуляк чистоты и порядка.

Таким образом, пропустить убитого маньяка они никак не могли. Заметив группу старушек возвращающихся с дежурства в парке, Птица поежилась, но решительно направилась к ним.

Недоумение

– Но он был тут, прямо тут, – настаивала Птица, указывая место, где остался лежать мертвец.

Старушки недоверчиво качали головами.

– Кто-то убил его! – выкрикнула, в отчаянии что-либо доказать, Птица.

Полицейские, два неторопливых упитанных мужичка в форме, придирчиво осмотрели чистый асфальт.

– Шел дождь, – напомнила Птица и протянула полицейским перочинный ножик.

– Лезвие чистое, – заметил один полицейский.

– И маленькое, – сказал другой.

– Таким ножичком даже хлеба нарезать не удастся, – высказался первый полицейский.

Старушки молчали и шарили по кустам в поисках улики.

– Вы считаете, я сошла с ума? – сухо поинтересовалась Птица у стражей порядка.

– Не считают! – вмешалась тут одна старушка, держа двумя пальцами огромный кухонный нож для разделки мяса.

Длинное лезвие и черная рукоятка были покрыты багровыми пятнами. Вот это да, убийство в темном парке! Уж чего-чего, а убийств, здесь, не бывало. Драки между алкашами, изредка сексуальные домогательства и то со стороны эксгибиционистов, выбегающих к пухленьким дамам решившим

похудеть за счет утренних и вечерних пробежек. Эксгибиционистов при этом не смущали облака настырно жужжащих над ухом, комаров. Маньяки любили спортсменов и выпрыгивали из кустов всегда с распахнутыми плащами, под которыми ничего не было, кроме бледных, заросших волосами, тел. Но и только, дело заканчивалось истеричным визгом растревоженных отвратительным зрелищем, женщин и поспешным бегством, сексуально озабоченных, мужиков.

Иногда, на эксгибиционистов устраивали засаду старушки и преуспев в деле поимки, тащили «преступника», а то и нескольких «преступников» в участок, который, по старинке, упорно называли отделением милиции. Таким образом, все «маньяки» были известны стражам порядка.

Смекнув что к чему, вместе с парой особенно активных старушек и Птицей, как главной свидетельницей, полицейские объездили на «бобике» адреса всех известных эксгибиционистов.

К полудню вернулись в участок подвести итог. Без сомнения, все маньяки были живы и здоровы. Получается, на Птицу напал новый, никому не ведомый преступник и другой, никому не ведомый преступник его убил?! Полицейские смотрели на Птицу с сомнением, но старушки поддерживали девушку, твердо считая, убийцу равно, как и убитого, непременно надо отыскать. Это не дело бояться неизвестно кого, шныряющего неизвестно зачем, в любимом всеми, городском парке.

Но пока суть, да дело, холодное орудие было отдано на экспертизу, а в парке развернулись следственные действия.

Вечером, после дотошного допроса, уставшая Птица добрела в обществе старушек, до дома.

– Мы будем тебя встречать из университета и провожать до дверей квартиры, – торжественно пообещали старушки.

А мать уже успевшая ободрать старые обои на кухне, спросила:

– Ты купила хлеба?

Птица отрицательно покачала головой.

– Значит, будешь ужинать без хлеба! – категорично решила мать. – Ужин, в кастрюле, на плите!

Отец что-то пробормотал из родительской спальни, как всегда выпивший, скорее всего, выклянчил у матери, на бутылку красненького.

Птица устало сидела на кровати, на коленях у нее была тарелка с рисовой кашей, а в мыслях сплошной хаос и недоумение.

На улице, между тем, сгущались сумерки и птицы, звеня прощальными криками, разлетались по гнездам. Елена взглянула на окно, прикрытое прозрачной, кружевной занавесочкой и вздрогнула, на нее пялился окровавленный мертвец.

Защита

– Мне часто снятся страшные сны, – успокаивал Птицу, отец.

Будто маленькая, она лежала у него на руках, и он покачивал ее, напуганный истеричными воплями дочери.

– Правда твоя, – вздохнула мать, отходя от окна, – и, кто бы смог добраться да еще заглянуть в твою комнату, ведь мы живем на четвертом этаже?

– Во сне, я всегда оказываюсь в мрачном месте, полном скелетов и ищущих, разыскиваю свои кости.

– Твои кости? – машинально переспросила мать, с удивлением взирая на мужа. – Ты никогда мне об этом не рассказывал.

Отец заплакал, роняя горячие слезы на руки дочери.

– Это такое горе, быть не отпетым.

– С чего ты взял? – забеспокоилась мать, присаживаясь рядом, на кровать. – Может, тебя отпели и чинно похоронили, где ты говоришь?

– В склепе, – кивнул отец.

– И как же тебя звали?

– Не помню! – говорил отец, продолжая покачивать дочь, прижавшуюся к его груди.

– А где этот склеп?

– Не знаю! – всхлипнул отец.

– Подожди-ка, – деловито произнесла мать, – ты не помнишь своего имени, но знаешь, что не отпет, как такое возможно?

Отец лишь пожал плечами.

– Тупик, – резюмировала мать и дернула Птицу за руку, – а ну, рассказывай, долго нам еще ждать?

Птице пришлось рассказать.

– Что же это такое? – рассердилась мать. – Какие-то старухи тебе дороже родителей. Отныне, либо отец, либо я будем сопровождать тебя на учебу.

– И встречать тоже! – поддакнул отец.

– У меня есть оружие! – вспомнила мать, хлопая себя по лбу.

– Какое? – воскликнули в один голос, отец и дочь.

– Мой кулак! – продемонстрировала мать свой кулачище.

Мать у Птицы всегда была здоровой женщиной. В молодости участвовала в областных соревнованиях, метала тяжелое ядро и преуспевала. Многочисленные кубки блестели на полках серванта, тут же в прозрачной пленке хранились цветные почетные грамоты.

Отец не мог похвастаться такими успехами, но он играл на скрипке. Звуки мелодий его скрипки успокаивали дочь в детстве, и теперь он сыграл ей.

Без лишних слов, Птица забралась в постель и уснула, пока отец играл колыбельную собственного сочинения. Он всегда сочинял, но никогда и ни перед кем, кроме домашних

не афишировал своими творческими достижениями, считая себя недостаточно гениальным, недостаточно нужным для общества любителей скрипичной музыки.

Ночью, родители попеременно несли вахту возле окна комнаты дочери и выглядывая во двор, видели маячившие тени нескольких старушек воинственно машущих дубинками в сторону темного парка.

Бегство

– У этой девочки есть сила! – произнес незнакомый грустный мужской голос.

Птица подскочила, оглядываясь.

– Ты флягу взял? – спрашивала мать у отца.

– Для чего? – суетился отец, собирая рюкзак.

– Чаю нальем, пить захочешь, а тут, пожалуйста! – широко развела руками, мать.

– Что происходит? – вмешалась Птица.

– Собирайся! – хором воскликнули родители.

– Мы уезжаем! – кивнула мать.

– Ненадолго! – сказал отец.

– Пока ситуация не исправиться, – добавила мать.

– И пока не схватят маньяка!

– Но я учусь! – напомнила родителям, дочь.

– Ничего, я уже звонила в деканат, договорилась с деканом, он тебе прислал темы занятий на электронную почту!

– На почту? – переспросила Птица.

– Да, пойми ты, – взвился отец. – Если маньяк убил маньяка, ему и с тобой расправиться не составит труда!

Отец прошел в комнату дочери, распахнул створки окна и указал на подоконник. Птица, следовавшая за ним по пятам, посмотрела и ахнула. На подоконнике четко виднелись отпечатки двух грязных ладоней.

– Но как? – оглядев совершенно ровную стену, спросила Птица.

– Может, спустился с крыши? – неуверенно предположил отец, взглянув наверх.

– Как альпинист?

– На веревке, – подтвердила мать, тоже выглядывая в окно, – а что, если проверить, подняться на крышу?

Они поднялись. Внимательно осмотрели крышу с торчащими антеннами и заметили-таки моток веревки, петля была затянута надежно вокруг вентиляционной трубы.

– Надо вызвать полицию! – замирая от ужаса, сказала Птица.

– И они защитят тебя? – скептически поджала губы, мать. – Разве в нашей стране на защиту стражей порядка можно рассчитывать?! По-моему, никто, никого не защищает. Достаточно вспомнить те многочисленные случаи, когда бедные женщины, избитые до полусмерти жестокими мужьями, как правило, психически больными людьми, не могут добраться до правосудия и выпросить себе защиты и помощи. Полицай в открытую, им говорят, вот, если бы муж вас убил, тогда бы мы завели уголовное дело!

– Что тут творится? – высунула нос из чердачного люка одна из старушек.

Родители Птицы объяснили. Старушка впала в абсолютную ярость, как, на чердаке ее мирного дома сидел маньяк да к тому же, зарезанный? Ведь Птица видела в окно мерт-

веца! И старушка, вытащив из кармана фартука здоровенный хлебный нож, ловко отсекла веревку от трубы, а веревку, словно змею, сбросила с омерзением вниз, в глубину двора, где другие старушки немедленно набросились, затолкали «змею» в мусорный пакет и бегом отнесли к далеким мусорным бакам.

В тот же день Птицыны сели на поезд, следующий в Крым. Относительное тепло южных берегов позволяло даже отдохнуть. Птица сжимала в руках свою гитару и думала о том, как же ей повезло с родителями! Большинство ее друзей и подруг не могли похвастаться столь заботливыми предками. После восемнадцати, дети – уже не дети, а взрослые. Плохо то, что претензии родичи начинают предъявлять сразу, после окончания школы. Но мало кто из бывших школьников, привыкших к родительской опеке, может так быстро адаптироваться и перейти от беззаботного детства к загруженной проблемами выживания, жизни взрослого человека. Однако, родители требуют и хорошей учебы в высшем учебном заведении, куда, как правило, поступают после школы все учащиеся, и заработков в свободное от учебы, время. Тем временем, у бывших детей начинаются игры любовного содержания, которые требуют максимального количества времени и сил, но как тут быть?!

И хотя Птица почувствовала нечто, родители особо не требовали ее денежных вкладов в семью, но намекали. У нее были хорошие родители, что, правда, то, правда.

Грубоватая, приземленная мать, надежная, как скала и одухотворенный, талантливый скрипач, отец, правда, выпивошка, но эту маленькую слабость Птица готова была ему простить.

Счастливая весть

– Мы должны возвращаться! – выслушав собеседника по сотовому телефону, доложил отец.

– Что такое, что случилось? – всполошилась мать.

– Они велели вернуться!

Отец выразительно потряс телефоном.

– Кто? – напирала мать.

– Полиция!

Мать категорично помотала головой:

– Никуда мы возвращаться не станем, я уже настроилась на Крым. Хочу на море! – топнула она ногой.

– Но там, наверное, холодно? – слабо попытался возразить отец.

– Давайте съездим на море! – попросила Птица. – Там здорово!

– Тем более, мы уже едем! – напомнила мать.

Отец поднял руки, признавая тем самым, свое поражение.

В Крыму оказалось не теплее, чем дома, самом центре Велikorоссии. Мало того, с утра зарядил нудный дождь и подул ветер, вздувая пенные шапки на гребне набегающих на берег, волн. Пляж был пустынен и посоветовавшись, родители решили не доставать из рюкзака палатку, провожаемые пронзительным ветродуем, они направились к железнодорожному вокзалу. Поезд, следующий в обратную сторону,

почти пустой из-за отсутствия отдыхающих, гостеприимно распахнул двери.

В родном городе их встречали. На перроне толпились старушки.

– А мы ждем вас! – затараторили они, бросаясь к Птицыным.

– Видим! – сурово прервала их мать.

Старушки всплеснули руками:

– Вы же ничего не знаете! Ведь вы ничего не знаете?

Семья Птицыных, молча, ожидала продолжения. И тут старушки заторопились, радостно сыпля словами, передавая последние новости, из которых следовало, что обнаруженный в кустах нож с длинным лезвием был вовсе не в крови, а в кетчупе. Шашлычном, счастливо улыбаясь, сообщили старушки. Но самое главное, убитого обнаружили живехоньким. Засекли, когда на крышу пробирался!

– Однако ведь я его мертвым в парке видела?! – удивилась Птица.

– Притворялся! – тараторили старушки и продолжили выкладывать новости одну чуднее другой.

По их словам выходило, что «убитый» – любитель выпивки, один из местных алконавтов, влюбился в девушку и одержимо крался за Еленой по утрам и вечерам. Не умея вести себя достойно, он напугал ее в парке, а запнувшись, горе-преследователь упал и разбил бутылку портвейна, что хранил в нагрудном кармане куртки.

Птица вздохнула:

– Все ясно!

Но старушки продолжали трещать, из их трескотни выходило, что поклонника Птицы так просто не отпустят, мало того, за актерский талант ему можно премию давать!

Он обманул Птицу, прикинувшись мертвым, обманул пару-тройку служителей церкви, втерся в доверие к настоятелю городского монастыря, похитил церковную утварь. Одним словом, ему светил немалый тюремный срок.

– Он же мог ограбить нас! – воскликнула мать.

– Будто у нас есть что красть! – пожал плечами, отец.

Птица промолчала, лишь покрепче сжала гитару, единственную свою материальную ценность.

Завершение

В студенческом общежитии, в небольшой комнатке яблочку негде было упасть. Студенты слушали почти детективную историю Птицы. Но один вопрос сразу же, возник на повестке дня, чей грустный мужской голос, произнес: «У этой девочки есть сила», а? Кто и зачем это сказал?

– Вероятно, мне просто приснилось! – неуверенно высказалась Птица.

– Но был ли этот голос похож на голос маньяка? – допытывался один студент.

– Нисколько! – отрицала Птица. – Я видела и слышала маньяка на очной ставке! Да и раньше, в парке он кричал мне всякие непристойности, у него противный, мерзкий голосочек, подходящий к его корявой, синеватой фигуре записного алкоголика!

– Мистика! – вздохнула с завистью, Лариска, подружка Птицы.

Лариска успела прославиться в обществе студентов неординарными суждениями и странными предсказаниями.

– А может, ты слышала голос ангела смерти? – предположила она.

Птица посмотрела на нее с недоумением.

– Я однажды слышала! – переходя на шепот и напуская на себя таинственный вид, произнесла Лариска.

И так как студенты Лариске особенно не доверяли, а лишь советовали начать писать мистические рассказы, все разошлись.

Птица тоже распрощалась с друзьями и ввиду позднего времени, решила идти домой.

– погоди, – окликнула ее Лариска, – я с тобой!

– Пошли, – обрадовалась Птица, – заночуешь у меня, родители не будут против!

Лариска была из интернатских и Птицыны-старшие практически сразу принялись ее опекать.

Между тем, Лариска вооружилась электрошокером и газовым баллончиком. В ответ на вопросительный взгляд подруги, она пояснила:

– По-моему мнению, ты слышала голос ангела смерти, а он так просто не отпускает!

– Это против ангела, ты вооружилась? – улыбнулась Птица.

– Против ненормальных убийц, которых он может подослать! – серьезно заявила Лариска.

Они прошли весь парк, пустынный в это время суток, когда из-за деревьев вынырнули двое.

– Это из-за тебя нашего брата в тюрьму посадили! – угрожающе начал один, надвигаясь на Птицу.

– Что я тебе говорила?! – торжествуя, обернулась к подруге, Лариска и недолго думая, распылила в лица двух нападавших газовый баллончик.

Бандиты, отчаянно чихая, принялись протирать глаза, но тут, Лариска, зажав нос, чтобы не вдохнуть слезоточивого газа и крепко зажмурившись, прыгнула вперед, наугад тыкая электрошокером, попала в шею и лица, бандиты рухнули на землю.

– Сюда, сюда! – истошно завопила Птица.

А Лариска, выпрыгнув из облака поражения, по-разбойничьи засвистала. Практически, тут же примчался патруль старушек и полицейские, дежурившие у входа в парк, не замедлили явиться.

Уже в отделе полиции выяснилось, что задержанные за разбойное нападение на девушек, бандиты давным-давно числились в розыске за серию квартирных краж и конечно, запертые в следственном изоляторе, они не единожды пожалели о своем благородном порыве – разобраться с Птицей, из-за которой их недотепа-брат угодил в тюрьму, тем более, что и брат сидел тут же, в камере...

Дело о нападении в парке, таким образом, было закрыто, старшие Птицены успокоились, потому, как и бесприютную Лариску, они решили взять в дом. Девушки очень подружались, но оставаясь наедине со своими мыслями, по ночам, Елена все же, прислушивалась, страшась услышать тот самый грустный мужской голос, который говорил о ее силе, но какой именно силе, для нее пока оставалось загадкой...

Хроники ужасов монастырской жизни (Основано на реальных событиях)

Прообразом матери Леониды послужила мать Павла, настоятельница Рождественского женского монастыря

г. Ростова Великого, которую, как известно, ныне, никто из монахов за настоятельницу не считает и предпочитает делать вид, что такой монахини и не было вовсе в стенах монастыря

Шабашкин

– Шабашкин, моя фамилия! – настаивал светлоусый, неуклюжий мужичок.

Дело происходило в конторе, где бригады плотников, отделочников, маляров, одним словом, представителей славных строительных профессий расселись по стульям, в ожидании заказов.

Телефон, между тем, разрывался от звонков. Секретарша, привыкшая к грубоватым ухаживаниям, сновала с бумажками от кабинета начальника к своему столу и обратно, по пути уворачиваясь от протянутых к ней со всех сторон, почернев-

ших от грязной работы, загрубелых ладоней работяг и беззлобно, привычно отнекивалась на их плоские шуточки.

Шабашкин затравленным взглядом следил за ее перемещениями.

– С такой фамилией и имени не надо! – хохотал не русский, явно представитель кипчакских народов.

– Басмач, – шипел на него, сквозь зубы, Шабашкин, со злобой оглядывая не русского.

– Не поняли! – наклонились к басмачу с соседних стульев его друзья, азиаты.

Басмач перешел на тарабарский язык, объясняя товарищам всю нелепость появления человека с фамилией Шабашкин и где? – в строительной конторе!

И только один человек из азиатов, с суровой внешностью, скрестив руки на груди, стоял в сторонке, глядя на Шабашкина с отстраненной отчужденностью. Шабашкин, посмотрел ему в глаза, разжал кулаки и отвернулся, позабыв о своем намерении наброситься на обидчика.

– Есть несколько заказов! – прервала басмача секретарша и, покосившись в сторону кипчаков, занимавших значительное количество стульев, кивнула, одобрительно улыбнувшись Шабашкину. – Просят только русских строителей!

Азиаты зашумели, вскакивая.

– Это ущемление прав! – неистовствовал басмач. – Я буду жаловаться!

– Клиент всегда прав! – сухо заметил начальник, выходя

из кабинета к народу.

– Нам надо семьи кормить! – кричал басмач. – А ты работы не даешь!

Начальник взглянул снисходительно:

– Почему не даю? Есть заказ от одного совхоза, необходимо построить коровник, справитесь?

– А сумма? – сузил и без того узкие глаза, басмач.

Начальник назвал цифру вознаграждения. Азиаты перешли к торгам. Шумно, как на базаре, принялись набивать себе цену. Наконец, договорились, сошлись по деньгам.

Начальник тут же обозначил сроки строительства. Азиаты снова зашумели. Маленькие, коренастые, им бы верхом на лошадях и в степь, а не в русское захолустье, отстраивать коровник. Наконец, получив аванс и разрядку, азиаты сгнули. Последним, покинул контору молчаливый кипчак, с суровой внешностью, напоследок, он одарил Шабашкина подозрительным взглядом и вышел, Шабашкин успел, правда, заметить, раболепные поклоны, которыми его сопровождали прочие азиаты. Ничего не поняв, он пожал плечами и обернулся к русским, занимавшим в конторе, довольно просторном помещении, значительно больше места, нежели кипчаки. С уходом южан, присутствующие вздохнули свободнее.

– И как ты их терпишь, Васильич? – недоумевали работяги.

– Они все лето не будут появляться, – пообещал Васильич

и взглянул на Шабашкина, – профессия?

– Маляр! – отвечивал Шабашкин, стаскивая кепку с головы.

– Пьешь? – строго сдвинув брови, наседал начальник.

– Как все! – развел руками Шабашкин.

– У нас в начале – дело, а после – гуляй смело! – погрозил начальник пальцем.

– Вот и я о том же! – высказался Шабашкин.

– Споемся! – улыбнулся ему начальник и повернулся к хмурому, но представительному мужику с пивным животиком. – Тарасыч, новенького к тебе в бригаду!

– С испытательным сроком? – уточнил Тарасыч, опасливо поглядывая на новенького.

– Посмотрим, – уклончиво заметил начальник, – если на испытательный, то неделя, не больше, нам русские работники крайне нужны, а стало быть, какое к черту испытание? Зарплату обещаю в полной мере, понял, Шабашкин?

Повернулся он к маляру, тот в знак согласия, кивнул.

Бригаде Тарасыча выпал жребий по ремонту и обустройству женского монастыря, находящегося в области, у черта на рогах. Монастырь обещал строителям на время ремонта – крышу над головой и четырехразовое питание.

Погрузившись с сумками инструментов и пожитками в рейсовый автобус, товарищи Шабашкина, приуныли:

– Отстроим как можно быстрее и шабаш! – пообещал Тарасыч.

– Не получится, монахини будут ко всякой мелочи цепляться! – проныл худющий, но жилистый детина.

Шабашкин пригляделся, детине должно быть уже за тридцатник перевалило, ранние морщинки проложили глубокие борозды, перечеркнув высокий лоб и потоптавшись гусиными лапками возле глаз.

– Не ной, Сашок, – обратился к нему, Тарасыч, – монашки хитрые, а мы похитрее будем!

– Лишь бы платили, – кивнул задумчивый, богатырского телосложения, дядька по фамилии Угодников.

– Тебе заплатят, – заржали строители и запели, специально фальшиво, – Николай Угодников до святых угоден!

– А, ну! – шутливо замахнулся на них, Угодников.

– Это что, – прервал товарищей, розовощекий толстяк, – пища у монашек пресная!

– Я сало взял! – взвился тут Сашок.

– А я тушенку прихватил! – потряс рюкзаком, Тарасыч.

– Не дадут полакомиться, – со знанием дела, продолжал толстяк.

– Ты вроде тертый калач, уже один монастырь отстроил? – вспомнил Тарасыч.

– Расскажи, Ленчик! – заныл Сашок в своей манере.

– А чего рассказывать, – нахмурился Ленчик, – встретят, молиться заставят и повсюду станут следить!

– Так уж и следить? – не поверил Сашок.

– Хуже шпиков, – авторитетно заявил Ленчик и достал

из сумки палку колбасы, – надо бы мясные припасы сейчас уничтожить.

– А после голодовать? – с тоской в голосе, прохныкал Сашок.

– Да и пес с ним, с желудком, – решил Тарасыч, выуживая из рюкзака банку тушенки, крикнул Шабашкину, усевшемуся немного в стороне от бригады, на отдельное место, – эй, новенький, придвигайся к нам, наедаться впрок будем!

– А зовут-то тебя как? – двигая челюстями, пожирая сало, спросил Николай Угодников.

– Ростиславом родители нарекли, – робко ответил Шабашкин, между тем, пересаживаясь к товарищам.

– Час от часу не легче, – перекрестился Угодников.

Мужики рассмеялись.

– Будем тебя по фамилии кликать, – деловито решил Тарасыч и отправил в рот внушительный ломоть копченой колбасы.

Знакомство

– Молитвами святых отец наших, – твердил Шабашкин себе под нос, стараясь запомнить чудные слова.

– Это у них навроде пароля, – говорил Угодников, засовывая рюкзак с вещами под кровать.

– А то не пустят? – хихикал Сашок.

– Истинно, так, – прогудел от двери, мужской бас.

Строители, разом, посмотрели. Перед ними стоял среднего возраста, еще не старый, облаченный в черную рясу, мужик с чисто выбритыми щеками.

– Я думал – это женский монастырь, – удивленно заметил Сашок.

– Монахини церковную службу вести не могут, – не согласился с ним, Угодников и пошел к иеромонаху со сложенными ковшиком, для благословения, руками.

– Настоятельница может заходить в алтарь, – произнес тут монах и широко перекрестил Николая Угодникова.

– А как к вам обращаться? – усаживаясь на свою кровать так, что пружины заскрипели, спросил Тарасыч.

– Отец Афанасий, – строго ответил иеромонах и продолжил, – есть в монастыре еще люди мужеского рода – отец Павел и отец Петр.

Строители молчали, слушали. Отец Афанасий потер нос:

– Настоятельница зовут матушкой Леонидой.

– Зачем же мужским именем? – встрял тут, Шабашкин. На него посмотрели, но ничего не сказали.

– Дьяволы путаются, – пояснил отец Афанасий и, видя всеобщее замешательство, сказал, – конечно, следуя логике, нам с отцами тоже надобно перекреститься в женские имена, но мы дьяволов не боимся!

– А монахини, стало быть, бояться? – уточнил Ленчик, он занял кровать у окна.

– Бояться, – подтвердил отец Афанасий, – страшатся не без основания, дьяволы хитры и коварны.

– С нами крестная сила, – насмешливо рассмеялся Сашок.

– Зря смеетесь! – заметил отец Афанасий. – У нас тут не богадельня, а монастырь и мы – служители Христовы, всегда на передовых.

– Но нам-то это зачем? – осмелился возразить Шабашкин.

На него опять посмотрели, но ничего не сказали.

– Вы приехали к нам, на помощь, – заметил отец Афанасий, – и рассматривать вас дьяволы будут именно, как наших помощников, а наипаче помощников Христа. На вас нападут, всенепременно нападут!

Пообещал он, снова потирая нос.

– Отобьемся! – уверенно рассмеялся Сашок. – У нас и инструменты есть, строительные пистолеты!

Иеромонах посмотрел на него, но ничего не сказал. Но Шабашкин наморщив лоб, в раздумье глядел на монаха, самому себе не веря, дважды монах потер кончик носа, де-

монстрируя невербальным движением, что говорит ложь...

В комнату заглянул маленький монашек с седой головой, маленькой белой бородачкой и ясными глазами, в которых играла смешинка.

– Братья мои, сестры трапезничать приглашают! – сообщил строителям монашек.

– Это отец Павел! – представил его монах Афанасий.

Гурьбой строители прошли в трапезную, где в широкой, просторной комнате выкрашенной бирюзовой краской, стояло два длинных деревянных стола накрытых белыми тканевыми скатертями.

Монашки уже обедали, на вошедших даже не взглянули. Усевшись за отдельный стол и получив от прислуживавшей им молодой послушницы по тарелке овощного супа, строители, молча, принялись поглощать пищу. Молча, потому что молодой монашек, по всему виду, отец Петр, стоя за своеобразной трибуной, установленной в углу трапезной, громко и размеренно читал жития святых. Шабашкин усмехнулся, конечно, он не застал уроков политинформации, в школе учился уже после развала Союза, но по рассказам родителей, хорошо представлял себе, как происходило навязывание информации, когда хочешь, не хочешь, но будешь слушать, что читает училка, шелестя газетами «Правда» или «Известия».

Послушница переменяла блюда, поставила перед мужиками тарелки с картофельным пюре и морковными котлетами. На третье с поклоном подала пироги с капустой и каж-

дому налила по большому бокалу вишневого компота.

Строители искоса наблюдали за соседним столиком. Во главе стола сидела высокая, невероятно красивая женщина, в белой рясе, из-под белого плата виднелась русая коса, спускавшаяся по высокой груди, как говорится, до пояса. На вид лет тридцати, она, тем не менее, строго, начальственно поглядывала на иных монашек, явно старших ее по возрасту и покрикивала на молоденьких послушниц, итак ведущих себя скромно.

– Кто это? – перегнулся к отцу Афанасию, Шабашкин, кивая на женщину.

– Мать – настоятельница! – невозмутимо ответил иеромонах.

Строители переглянулись, читая во взглядах, друг друга удивление, всем представлялась главой монастыря, по крайней мере, старуха.

Мать Леонида, закончив трапезничать, встала, присутствующие, как по команде, вскочили в ответ. Строители остались сидеть, сжигаемые сердитыми взглядами монахов.

Невозмутимо, как бы, не замечая не уважения к своей персоне нон грата, мать Леонида осенила себя крестным знамением и низко поклонилась строителям:

– Трапезничайте, братья мои! Отец Афанасий! – обратилась она к склонившемуся перед ней в низком поклоне, монаху. – Покажи строителям фронт работ и пускай начинают с богом!

Перекрестила она их, задерживаясь внимательным, не улыбочивым взглядом на Шабашкине, повернулась и быстро пошла прочь, из трапезной.

– Матушка Леонида, – бросились за ней несколько девушек-послушниц.

Шабашкин встряхнул головой, ему показалось, точно также кидаются фанаты за своей поп дивой...

Отец Петр прервавший было чтение, продолжил читать.

Строители обменялись недоумевающими взглядами.

– Устала, настоятельница, – объяснил отец Павел, усмехаясь в бороду, – соснуть пошла.

– Куда пошла? – глупо переспросил Сашок.

– Известно куда, на сеновал, – махнул рукой отец Павел в сторону едва видных из открытых дверей трапезной, далеких деревянных строений. – В келье душно.

Пояснил он, видя все нарастающее недоумение строителей, и пустился объяснять дальше. Из его болтовни, ново-прибывшие уяснили одно, монахи поднимаются в пять утра, чтобы к шести собраться в церкви на монастырскую службу. Ложатся поздно, после одиннадцати вечера.

– Этак нас голодом заморят и спать не дадут! – прошептал на ухо Шабашкину, Сашок.

Шабашкин с тоской во взгляде, молча, кивнул. Подавленные нелегкой монастырской долей, строители потянулись вслед за высокой мощной фигурой иеромонаха Афанасия.

Сестры, оставшиеся в трапезной, остались внимать отцу

Петру.

Послушница

– Екатериной зовут, – ответила в ответ на приветственные речи строителей, молоденькая послушница.

Послушница, девчонка лет восемнадцати, ворошила сено, перекладывала вилами с места на место.

– Давай помогу! – вызвался Сашок.

– Не положено, – отказалась послушница и поправила на голове темно-синий платочек, повязанный по-монашески.

Строители стесненно переминались рядом, они не привыкли видеть женщин за столь тяжелыми занятиями.

Послушница, как ни в чем не бывало, ворочала вилами и на мучения мужиков не обращала ровно никакого внимания.

– Как же ты решилась в монашки, доченька? – полюбопытствовал Тарасыч, присаживаясь на свежескошенную травку, рядышком.

– Бог призвал! – строго сдвинув брови, ответила Екатерина.

– Это как, призвал? – удивился Сашок, не сводя глаз с симпатичного личика, девушки.

Екатерина бросила на него быстрый взгляд.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответила она и внезапно, дразнясь, высунула язык.

– Ах, ты! – ринулся на нее Сашок.

– У меня оружие! – расхохоталась Екатерина и выставила вперед вилы.

– Катька! – строго окликнула послушницу монахиня, вышедшая из-под навеса с сеновалом. – Что это еще такое? Сто земных поклонов!

Екатерина, молча, поклонилась ей в пояс и, бросив вилы, пошла прочь от строителей.

Строители удивленно смотрели вслед девушке.

Монахиня подошла к мужикам, поглядела на них с сомнением, поправила очки с толстыми стеклами.

– Негоже вам тут возле наших монахинь увиваться!

– Она не монахиня! – возразил Сашок, указывая пальцем в сторону удаляющейся фигурки послушницы.

– Никто никого насильно тут не держит! – ехидно заметила монахиня.

– Как же она в монастырь попала? – продолжал удивляться Тарасыч. – Ведь девчонка совсем, несмышленьш!

– Сиротская она, из детского дома вышла с золотой медалью, а идти куда?

– Куда? – переспросили недоумевающие строители.

– Вот именно, – скорчила насмешливую гримасу монахиня, – при Советах общежития были, бесплатное обучение в институтах, путевки профсоюзные, а теперь что?

– Что? – хором переспросили строители.

– Ничего! – рассердилась монахиня, снова поправляя оч-

ки. – Денег нет, жилья нет, ничего нет, сами знаете! А уж для девчонки, тем более, медалистки, какие привилегии?

– Какие? – жалобно проныл Сашок.

– Только на словах все привилегии, взвейтесь, развейтесь! – усмехнулась монахиня. – А в монастыре она горя не знает, на компьютере буклет пишет об истории монастырской, скоро выпустим для туристов. Школьные экскурсии водит по храму, без Екатерины мы, как без рук!

– А постригут ее в монахини, что тогда, прощай жизнь? – допытывался Тарасыч.

– Никто ее не торопит с решением, – рассердилась монахиня, – Серафим Саровский до смерти в послушниках ходил. А прощаться с жизнью ей никто не позволит или ты имеешь в виду брак?

Уставилась она на Тарасыча.

– А то, как же, – закивал Тарасыч, – семья, дети.

– Семья? – фыркнула монахиня, сердито. – Разврат, а не семья. Сейчас найти настоящую семью с ног собьешься, либо муж гуляет, либо жена, а то и оба. После начинают оскорблять друг друга и развод. А дети? Детей хоть их из храма не выпускай, вырастают матерщинниками, корыстолюбивыми и бездарными. Потому как, где жадность, там и глупость. Со свету дети родителей сживают за квадратные метры, под землю закатывают за кривые избушки, лишь бы поскорее продать, а деньги в кубышки припрятать!

– Ну не все дети такие, – возразил Тарасыч.

– Не все, – согласилась монахиня, волнуясь и протирая запотевшие стекла очков подолом рясы. – Есть и хорошие, но о них надо легенды складывать, так они редки!

– Мать Варфоломея, – вернулась тут Екатерина, – меня настоятельница благословила на рынок сходить, рыбы купить!

– Это в постный-то день? – всполошилась монахиня.

– Я не пойду! – твердо решила Екатерина, бросая к ногам монахини скомканный комок денег. – Чего это она повандилась, в прошлую пятницу заставляла меня яйца покупать, ей, видите ли, яичницы захотелось! А теперь, в среду жареной рыбы подавай!

– Тише, – шикнула мать Варфоломея, оглядываясь с опаской на внимавших странным репликам, посторонним. – Я сама схожу!

И подняв деньги, быстро направилась к воротам.

– Значит, ваша настоятельница скоромное любит кушать? – не поверил Николай Угодников.

– Да, какая она настоятельница! – махнула рукой, Екатерина. – Молиться только, когда на нее смотрят, красоваться очень любит, а без зрителей и крестного знамения не подумает свершить!

– С ума сойти! – удивился Сашок.

– Уйду я отсюда! – решительно взялась за вилы, послушница. – Есть монастыри с хорошей славой, с нормальными настоятельницами.

– Да, зачем тебе вообще монастырь? – подступил к ней, Сашок. – Тебе бы учиться, профессию получить, замуж выйти!

– Я шить очень люблю! – переходя на шепот, поведала Катя и стрельнула вокруг глазами в поисках подслушивающих монахинь. – В интернате одежду для кукол шила, а как подрастать начала, на уроках труда выдумывала, кроила платья и юбки для одноклассниц.

– Ну вот, – подхватил Сашок, оглядываясь и ища поддержки у товарищей, – мы бы тебе помогли, устроили бы на швейное предприятие.

– Не верю я никому, – осадил его Екатерина и сердито поглядела в самые глаза парня, – а мужчинам не верю вдвойне!

– Почему это? – растерялся Сашок, отступая.

– Потому что нет в вас благородства, честности и порядочности, вот почему! – и Екатерина бросив вилы, убежала в сторону монастырских келий.

– Чего ты к ней пристал? – рассердился Тарасыч, вставая и отряхивая травинки с брюк.

– Понравилась она мне! – ответил Сашок.

– Привет, ведь, она, все равно что – монахиня!

– Ну, это мы еще посмотрим! – засмеялся Сашок, счастливо, – понравилась, ей богу, понравилась!

Отец Павел

Монастырь восемнадцатого века был, естественно, разрушен в советские времена, когда повсеместно велась борьба с религиозным дурманом. Усилиями монахинь восстановленный храм засиял новогодней игрушечкой. Несколько барачков отданных на заре советской власти простым жителям удалось, при помощи властей города, расселить. Обрадованные жильцы с удовольствием покинули столетние угрюмые комнатухи и перебрались в благоустроенные квартиры новостроек. Монахини самостоятельно отстроили заново некоторые монастырские келейные, и комнаты, и водопровод, и даже провели канализацию. Среди насельниц монастыря были строители, электрики, а отец Петр прослыл умелым водопроводчиком. Эту информацию случайно, не задумываясь, свалил на прибывших строителей отец Афанасий. Шабашкин смотрел на монаха задумчиво, впрочем, на языке так и вертелся вопрос, зачем же тогда пригласили бригаду Тарасыча, но отец Афанасий показав фронт работ, отправился на послушание, выполнение которого считал жизненно важным.

– Куда это он? – недоумевал Сашок, наблюдая из грязного окна одного из двух барачков, которые предстояло восстановить строителям за поспешно удаляющейся фигурой, отца Афанасия.

– Он же сказал, послушание, – терпеливо объяснил Ленчик, – это, как в армии, велели окоп выкопать, стало быть, не рассуждай, копай!

– Даже, если окоп бесполезен?

– Не думай, а молись, вот и все их рассуждение, ты о монахах размышляй отстраненно, целее будешь, – посоветовал Ленчик, – смотри и вроде, как, не смотри! Будто технологию инопланетян, не старайся понять или вникнуть, все равно мозгов не хватит!

– Не, – помотал головой Тарасыч, – монахи, мне кажется, на сумасшедших похожи. Главное, не возражать, а во всем соглашаться!

– И кланяться побольше! – встрянул Угодников.

– А не то накажут? – насмешливо хохотнул Сашок.

– Наказание у них одно, – задумчиво оглядывая обшарпанную комнату барака, проговорил Ленчик, – несколько сот земных поклонов!

Сашок поежился:

– Это же похуже отжиманий в армии будет! Катю, вон, мать Варфоломея наказала ста земными поклонами, сами слышали!

– Во-во! – поднял кверху палец, Угодников.

После тщательной уборки мусора, строители приступили к ремонту. Работали все вместе. Плечом к плечу, скребли, красили, клеили, часто отдыхали.

В один из перекуров, Ленчик самодовольно заявил:

– У меня прекрасный голос!

В ответ послышались недовольные крики, певца схватили за руки, а, чтобы он прекратил вопить, повалили на пол.

– Что это было? – потрясенный «пением» Ленчика, спросил Шабашкин.

– Визг кастрированного осла, – мрачно прокомментировал Тарасыч.

С Ленчика взяли слово не возобновлять более попыток спеть и отпустили.

Когда более-менее успокоились и возвратились к привычной мастеровой деятельности, к строителям заглянул отец Павел.

Труженики немедленно устроили перерыв, потому как добрый монашек принес им каравай горячего, только из печи, домашнего хлеба и ведро коровьего молока, аккуратно прикрытого марлей. В карманах кожаного фартука, надетого поверх рясы, у монашка звенели железные кружки. И пока мужики насыщались, отец Павел с детским любопытством рассматривал уже преображенную комнату.

– Ну, а если завтра война, что станете делать?

– В каком это смысле? – удивился Шабашкин, но заглянув в беззаботные глаза монашка, махнул рукой, считая вопрос легкомысленным и не требующим ответа.

Однако Ленчик ответил и, загибая пальцы, принялся перечислять:

– Закуплю консервов, круп, сахара, соли, свечей, спичек!

Обязательно сухарей насушу!

– А я девушке одной в любви признаюсь и на фронт! – мечтательно улыбнулся Сашок, мужики переглянулись, понимая, что речь идет о Кате.

– Да, пес с ними, бабами! – вмешался Тарасыч. – У меня святое семейство: теща, жена, две девки-дочки на выданье, две болонки женского пола, как начнут ругаться, перелаиваться, хоть из дома беги!

– Ну, а ты сам, как же? – допытывался отец Павел у Тарасыча.

– Если война, – почесал в затылке Тарасыч, – станут бомбить центральную часть России, большие города и военные городки, думаю, эвакуирую я своих баб на север, в Котлас, там, окромя тайги, лесопилок ничего и нету! Тесть мой окопался в бревенчатой избушке, пушай-ка с бабами помучается!

– Что же тесть с тещей отдельно проживают и сохранили хорошие отношения? – удивился отец Павел, наклоняясь к бригадиру и заглядывая своими ясными, лучистыми глазами в убегающие от прямого взгляда, глаза Тарасыча.

– Сохранили, – подтвердил Тарасыч, – поначалу, по разным спальным местам разъехались, а после теща и вовсе к нам перебралась, за тыщу верст от мужа, с внучками нянчиться.

– Хороший предлог, – подтвердил Ленчик, – надо бы моей супруге подсказать, может тогда и она укатит на Дальний

Восток, дочери с внуками помогать, авось, не вернется!

– И они не ругались? – продолжал удивляться монашек.

– А зачем? – зевнул Тарасыч. – Столько лет в браке, уж и делить нечего.

– И не развелись?

– Ни к чему, – сухо оборвал Тарасыч, – разводы молодым нужны, чтобы снова с кем окрутиться, а тут чего по судам шарашиться, людей седой башкой смешить?

– Ну, а ты? – обратился монашек к Николаю Угодникову.

– Если завтра война, на фронт подамся! – твердо заявил Угодников. – Родину защищать!

– Это что же, вы все на фронт пойдете, а я в тылу останусь? – привстал с колченогого стула, толстый Ленчик.

– Меня позабыли в добровольцы записать, – заметил Тарасыч.

– Так ты по возрасту не пройдешь, – возразил Сашок, намекая на преклонные года Тарасыча.

– Еще чего, – фыркнул Тарасыч, – баба я, что ли?

Ленчик согласно кивнул и с энтузиазмом поднял кверху кулак, изображая борца сопротивления.

– Вот уже какой-никакой, но отряд собрался, – рассмеялся монашек, радостно потирая руки.

– «Мы красные кавалеристы», – запел с воодушевлением Тарасыч, остальные его поддержали.

Молчал только Ленчик, он обещал товарищам больше не петь и слово свое сдержал.

Колдовство

Ночью Шабашкину приснилась настоятельница. Мать Леонида в одной сорочке, просвечивающей насквозь, прошла к его кровати. Он следил, замороженный ее женской красотой, но она смотрела надменно, встряхнула головой и русые длинные волосы рассыпались по плечам. Она ударила открытой ладонью, снизу-вверх, по носу и сразу же коленом по причинному месту. Ростислав дернулся, слетел с кровати на пол, не зная, что баюкать первым: нос или пах. Но мать Леонида настигла и безжалостно добила локтем в горло. Он забился, захрипел и стих.

Она наклонилась, проверяя, убедилась, что жив и плюнула ему в лицо, глядя с ненавистью и презрением:

– Это я-то баба? Да, я мужик, волоку на себе весь монастырь!

И пошла прочь, зыряка в сторону пробудившихся товарищей Шабашкина. Задерживая свой взгляд на лицах мужчин, и заставляя отвести глаза.

Шабашкин проснулся, вскочил в холодном поту, потирая горло. С соседних коек, охая и кашляя, поднялись остальные.

– Ребята, ну и сон мне сейчас приснился, – жалобно простонал Сашок и принялся рассказывать сон Шабашкина.

Остальные возмущенно зашумели, им приснилось тоже

самое. Шабашкин дико смотрел на друзей, не в состоянии постигнуть общего сновидения.

– Такого не бывает, – твердил он, подходя к окну и прижимаясь пылающим лбом к холодному стеклу.

За окном светили фонари и возле сторожевого домика виднелась высокая фигура отца Афанасия, несущего ночной дозор.

В комнату, к строителям заглянул отец Петр.

– Что тут у вас происходит? – строгим тоном, спросил он.

Строители делили крышу над головой с иеромонахами и занимали небольшой домик, где в трех маленьких комнатах ночевали монахи, а в одной большой, бывшей для монахов библиотекой, временно разместились мастеровые.

Мужики, наперебой, рассказали.

– Это дьяволы вас испытывают, – тут же, со знанием дела, произнес отец Петр, – молиться надо!

Мужики сгрудились вокруг монаха. Покорно повторили, слово в слово: «Да воскреснет бог!»

– А теперь спать ложитесь! – велел отец Петр.

Мужики послушно легли.

Монах удалился, оставив двери открытыми, но вскоре вернувшись с ладанкой, шустро принялся окуривать комнату, тихо напевая псалмы. Под монотонное пение, убаюканный запахом сладкого дыма, Шабашкин заснул, как в обморок провалился. И очнулся утром, потревоженный другим монахом, отцом Павлом.

– Вставайте, ребяташки, на монастырскую службу пора!

Никто ему не возразил. Сонные и угрюмые, мужики, молча, потянулись через двор к освещенному храму, где уже, на коленях предстояли перед алтарем все насельницы монастыря, всего человек пятьдесят.

Строителям указали место возле святых мощей некоего старца. О ночном происшествии все монахини знали, Шабашкин это по глазам видел, читал в устремленных на мужиков, задумчивых взглядах.

Монастырскую службу вела мать Леонида. В черном облачении, красивая и неприступная, словно скала, она стояла на коленях перед огромной иконой архангела Гавриила, нарисованной на церковных воротах. Ее грудной, наполненный жизненной силой голос, взлетал к высокому сводчатому потолку храма. Настоятельница во всем вторили присутствующие. Ленчик, потрясенный красотой хорового пения, плакал. Тарасыч, стоя на коленях, уткнулся лбом в узорчатый пол, да так и замер. Сашок глядел вверх, на летящих по небесному потолку ангелочков. Николай Угодников пел вместе с сестрами и его басовитый голос органично вплетался в стройное пение монахинь. Тут же и три монаха крестились, кланялись в сторону горделивого архангела.

Шабашкин последним подошел под благословение матери Леонида. Взглянул ей в глаза и вздрогнул под пронзительным, почти ненавидящим взглядом, монахини. Настоятельница повелительно указала ему, как и другим мужикам,

на притвор храма, где в полном облачении, уже ожидали три иеромонаха.

Шабашкин пожал плечами, он никогда не проходил исповеди и имел слабое представление об этом обряде. В семье у него молящихся не было, а бабка так вообще прослыла колдуньей. До самой смерти она помогала людям, искала пропавших без вести, находила воров и украденные вещи. Отправляла на тот свет заблудших призраков, но погибла от руки своей товарки, тоже ведьмы, только злобной, ненавистницы рода человеческого и вот это несоответствие, когда одна ведьма погубила другую, не давало Ростиславу покоя, как можно служа одному господину, в тоже время драться, делить что-то, мстить друг другу?..

Ему повезло попасть к отцу Павлу.

– Впервые на исповеди? – догадался отец Павел.

– Ага, – сглотнул, с усилием, Шабашкин.

– Это ничего, – успокоил его отец Павел и принялся перечислять общечеловеческие грехи, почти на каждый Ростислав вздрагивал и произносил покорно:

– Каюсь!

Отпустив Шабашкину грехи, отец Павел взялся за Тарасыча. Отец Петр пытал Сашка, а отец Афанасий Ленчика. Николай Угодников уже исповедь прошел и теперь во всем вторя монахиням кланялся и прикладывался к иконам, след, вслед за последними послушницами, обходя по часовой стрелке обширнейшее пространство храма.

Шабашкин недолго думая, последовал за товарищем.

Разговор

– Я сразу заметила, ты отличаешься от своих товарищей! – произнесла мать Леонида, не поднимая головы, она торопливо писала на листе бумаги, сидя за письменным столом.

Ростислав неловко приткнулся возле двери. Неуверенно оглянулся на келейницу, одарившую его сумеречным взглядом. Келейница, престарелая женщина, по всему видать, со скверным характером, торопливо пронесла настоятельнице большую пуховую шаль белого цвета, с поклоном пода-ла. Настоятельница, не глядя, взяла и мановением руки ото-слала келейницу прочь. Вечер был прохладным, и зябко по-ежившись, мать Леонида обвернула плечи шалью, встала, повелительным тоном позвала:

– Мать Варфоломея!

Келейница послушной тенью встала перед настоятельни-цей.

– Слушаю, матушка!

– Включи-ка электрокамин да согрей нам чаю! Разговор предстоит долгий! – кивнула она Шабашкину.

– Пирожные подавать? – робко спросила келейница.

– А и подавай!

Настоятельница сделала знак рукой.

– Пошли, что ли, в столовую?

Ростислав молча повиновался.

Принимала Шабашкина настоятельница у себя в резиденции, в розовом двухэтажном доме. Ростислав нервно оглядывался, путешествуя вниз по лестнице, со второго этажа на первый, следуя за горделивой фигурой матери Леониды.

Повсюду, на подоконниках цвели комнатные розы и сладкий дух, перемешанный с запахом ладана, щекотал ноздри непривычного к столь насыщенному воздуху, работяги.

– Что же во мне необычного? – усевшись за овальный стол, накрытый кружевной скатертью, спросил Ростислав.

– Глаза! – ответила настоятельница, кутаясь в шаль. – Тебя взгляд выдает!

Ростислав недоверчиво усмехнулся.

– Так смотрят либо помешанные, либо творческие натуры, либо колдуны!

– Наверное, я помешанный! – рассмеялся Ростислав.

– Я не люблю колдунов! – резко сказала мать Леонида. – Они молоко портят!

– Как так? – не понял Ростислав.

– Скисает молоко, – пояснила настоятельница, – а у нас молоко – это прибыль, деньги монастырю нужны, как воздух!

– Отчего же скисает? – все еще не мог взять в толк, Шабашкин.

– Ты дурак или как? – наклонилась к нему она.

И тут он впервые заметил, как велика ее грудь, просто огромна.

Его затрясло, проклятая мужская сущность брала вверх, он просто глаз не мог оторвать от выпирающей из-под монашеской рясы, груди монахини. Мать Леонида проследила за его взглядом, насмешливо рассмеялась и плотнее запахнула шаль, тем самым отрезая всякие нерадивые мысли у сидевшего напротив нее, мужика.

– И еще, с вашим приездом, что-то переменялось в воздухе, – ворчливо заметила она, – будто напряглось.

– Что же это? – отвлекаясь на келейницу угрюмо метнувшую перед ним чашку с чаем, с усилием спросил Ростислав.

– Кончилась моя счастливая жизнь, – вздохнула настоятельница, – ошибку я допустила, пригласив вас, а всему виной, ты!

Протянула она руку к Шабашкину.

Мать Леонида страстно ненавидела чужих людей, наезжающих изредка в монастырь. В ужасное настроение ее приводили и паломники. Рискующие попроситься пожить в монастыре, натыкались на гостиницу, где служили самые преданные настоятельнице монашки. Сутки проживания в номерах монастырской гостиницы отпугивали космическими ценами. Потоптавшись у стойки неподкупной администраторши в рясе, паломники вынуждены были ретироваться в городскую гостиницу, где цены на номера были в два раза дешевле монастырских.

Таким образом, мать Леонида избавлялась от лишних глаз и лишних ушей, отпадала необходимость постоянно носить

маску показного благочестия, и ее не волновало при этом, что нарушены русские традиции, когда испокон веку любой страждущий мог найти приют в монастыре только потому, что монашество просто обязано проявлять милосердие.

– Тебя в этой бригаде строителей ведь не должно было быть?

– Не должно! – согласился Шабашкин, вспоминая, как скоро его взяли в бригаду Тарасыча.

– Так, почему же ты оказался с ними? – спросила настоятельница, высоко подняв брови.

– Слушайте, – взорвался Шабашкин, – мне эти шарады ни к чему, говорите прямо или я уйду!

– Прямо говорить? – задумалась настоятельница и, схватив с тарелки медовое пирожное, жадно принялась есть.

Шабашкин глядел, открыв рот. Келейница из столовой исчезла. Впрочем, перед Ростиславом поставила все-таки на стол не тарелку с пирожным, но с поджаренными баранками. Шабашкин ни одну не взял, не прикоснулся и к чаю, ему показалось, что келейница в его чашку плюнула.

Прикончив пирожное, настоятельница взяла беленькие салфеточки, лежавшие аккуратной стопкой возле ее локтя. Тщательно вытерла рот и Ростислав впервые обратил внимание на ее холеные белые руки.

– Пойми, – проговорила настоятельница, запивая пирожное чаем, – я тебе добра желаю. Отрекись от Сатаны, перекрестись заново, возьми себе крестильное имя, ну, ска-

жем, Иов, в честь Иова многострадального и мы тебя отведем на покаяние в скит.

– Куда отведете? – не понял, Шабашкин.

– В скит! – подтвердила настоятельница. – У нас есть, неподалеку, закрытый монастырь, кстати, мужской, там все равно, что в скиту будешь!

– А причем, здесь, Сатана? – удивился Шабашкин.

– Ты думаешь я не вижу, как твоя недостойная бабка, ведьмачка, охраняет тебя с того света? – рассердилась монахиня.

– Чудеса! – покрутил головой Шабашкин. – Бабушка моя действительно ворожила, но она помогала людям, исцеляла!

– Сказочки про белого бычка, – скорчила насмешливую гримасу, его собеседница, – известное дело, с одного человека переводила болезни на другого!

На что Шабашкин не нашел что сказать, информации у него не было.

– Так отречешься от Сатаны? – строго спросила настоятельница.

– А зачем отречься от того, кто о тебе не имеет ни малейшего понятия? – вопросом на вопрос, ответил Шабашкин.

– Как это? – не поняла она.

– Не служу я ему! – пояснил Ростислав. – И он ко мне никогда не обращался.

– Зато твоя бабка служит! – взвизгнула настоятельница

и ударила кулаком по столу.

Шабашкин встал из-за стола и, не сводя с нее глаз, попятился к входной двери.

– Я лучше пойду, а вы оставайтесь, – пробормотал он и, выдавив двери спиной, вывалился на улицу, на прохладный воздух.

– Так, я тебе советую, отрекись! – крикнула ему вслед, мать Леонида и позвала келейницу. – Мать Варфоломея!

– Тут я! – немедленно отозвалась из темной кухни, прислужница.

– Налей-ка настоечки и сама со мной посиди!

– Это которой настойки налить, матушка? – встрепенулась келейница.

– Вишневой, уж больно вишня удалась в этом году! Мерские, сколько нам всего надали.

– Яблок намедни, мерские, целых три мешка притаранили, – радостно закудаhtала келейница, – картошки, свеклушки, моркошки натащили, отборной! Мешков двадцать!

– Так и быть, – прищелкнула пальцами, настоятельница, – запиши дарителей в святцы, а Ростислава Шабашкина вычеркни! Впрочем, вычеркни и его товарищей!

– Будет исполнено! – расплылась у елейной улыбочке, келейница.

– И убери посуду за этим нечестивым! – велела мать Леонида, брезгливо показывая пальцем на чашку Шабашкина.

– Сию минуточку, матушка, – с поклоном ринулась испол-

нять, приказание, келейница.

Наваждение

– Почему дьяволы нападают во сне? – спросил Сашок у отца Павла.

– Человек расслаблен, когда спит, он не защищен, – пояснил отец Павел.

– Что же делать? – заныл Сашок. – Мы теперь будем бояться уснуть!

– Вот и хорошо! – обрадовался отец Павел. – Поможете иеромонахам по ночам монастырь сторожить!

– Но мы долго не протянем!

– Вы ничего серьезного не видели! – возразил отец Павел.

– Но можем увидеть, да? – истерил Сашок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.